РЕЧЬ В ЗАЩИТУ СЕКСТА РОСЦИЯ ИЗ АМЕРИЙ

Марк Туллий Цицерон

Текст приводится по изданию:Марк Туллий Цицерон. РЕЧИ В ДВУХ ТОМАХ. Том первый (81—63 гг. до н. э.). Издание подготовили В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек. Издательство Академии Наук СССР. Москва 1962.Перевод В. О. Горенштейна

[В суде, 80 г.]

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ СЕКСТА РОСЦИЯ ИЗ АМЕРИЙ

Осенью 81 г. богатый римский гражданин Секст Росций, живший в муниципии Америи, сторонник Суллы и нобилитета, связанный дружескими отношениями со знатью, был убит в Риме на улице. Его родственники, жившие в Америи, Тит Росций Капитон и Тит Росций Магн вступили в соглашение с любимцем Суллы, влиятельным вольноотпущенником Хрисогоном, и убитый был задним числом внесен в проскрипционные списки, хотя они были закрыты 1 июня 81 г. (см. прим. 28). Его имущество было конфисковано и продано с аукциона, причем Хрисогону достались десять его имений, а Капитону — три. На жизнь Секста Росция-сына были совершены покушения, но неудачно, и он укрылся в Риме, в доме у Цецилии, родственницы диктатора Суллы. Чтобы устранить сына убитого, его обвинили в отцеубийстве; обвинителем выступил некий Гай Эруций. Секст Росций предстал перед постоянным судом по делам об убийствах, председателем которого был претор Марк Фанний; в случае осуждения ему грозила так называемая «казнь в мешке» (см. прим. 36). Обвиняемый встретил сочувствие и поддержку у многих представителей нобилитета, но единственным человеком, согласившимся защищать его в суде, был Цицерон, которому тогда шел 27-й год. Суд оправдал Секста Росция. Это было первое выступление Цицерона в уголовном суде.

См. Цицерон, «Брут», § 312; «Оратор» § 107; «Об обязанностях», II, § 51; Авл Геллий, «Аттические ночи», XV, XXVIII, 3: Плутарх, «Цицерон», 3, 2.

(I, 1) Вы, конечно, удивляетесь, судьи, почему в то время, когда столько выдающихся ораторов и знатнейших людей сидит спокойно, поднялся именно я, хотя ни по летам своим, ни по дарованию, ни по влиянию я не могу выдержать сравнения с этими вот, сидящими здесь людьми. Все те, кто, как видите, находится здесь[1], полагают, что в этом судебном деле надо дать отпор несправедливости, порожденной неслыханным злодейством, но сами они дать отпор, ввиду неблагоприятных обстоятельств нашего времени[2], не решаются. Вот почему они, повинуясь чувству долга[3], здесь присутствуют, а, избегая опасности, молчат. (2) Что же следует из этого? Что я — всех смелее? Ничуть. Или что я в такой степени превосхожу других своим сознанием долга? Даже эта слава не настолько прельщает меня, чтобы я хотел отнять ее у других. Какая же причина побудила меня более, чем кого-либо другого, взять на себя защиту Секста Росция? Дело в том, что если бы кто-нибудь из присутствующих здесь людей, влиятельных и занимающих высокое положение, высказался и произнес, хотя бы одно слово о положении государства (а это в настоящем деле неизбежно), то было бы сочтено, что он высказал даже гораздо больше, чем действительно сказал. (3) Если же я выскажу без стеснения все, что следует сказать, то все же речь моя никак не сможет выйти отсюда и широко распространиться среди черни. Далее, слова этих людей, вследствие их знатности и известности, не могут пройти незамеченными, а любое неосторожное выражение им не простят ввиду их возраста и рассудительности; между тем, если слишком свободно выскажусь я, то это либо останется неизвестным, так как я еще не приступал к государственной деятельности[4], либо мне это простят по моей молодости; впрочем, в нашем государстве уже разучились не только прощать проступки, но и расследовать преступления[5].

(4) К этому присоединяется еще вот какое обстоятельство: может быть, с просьбой защищать Секста Росция к другим людям обращались в такой форме, что они имели возможность согласиться или отказаться, не нарушая своего долга; ко мне же с настоятельной просьбой обратились такие лица, чья дружба, милости и высокое положение для меня слишком много значат, и я не имел права ни забывать об их

расположении ко мне, ни презреть их авторитет, ни отнестись к их желанию небрежно. (II, 5) По этим причинам я и оказался защитником, ведущим это дело, — не первым, избранным предпочтительно перед другими за свое особое дарование, а, напротив, последним из всех, так как могу говорить с наименьшей опасностью для себя, — и не для того, чтобы Секст Росций нашел во мне достаточно надежного защитника, а дабы он не остался вовсе беззащитным.

Быть может, вы спросите, какая же страшная, какая чудовищная опасность препятствует столь многим и столь достойным мужам выступить с речью в защиту гражданских прав и состояния другого человека, как они это обычно делали. Неудивительно, если вы до сего времени не знаете этого, так как обвинители преднамеренно не упомянули о том, из-за чего возникло это судебное дело. (6) В чем же оно заключается? Имущество отца присутствующего здесь Секста Росция, оценивающееся в 6 000 000 сестерциев, купил у знаменитейшего и храбрейшего мужа Луция Суллы[6], — чье имя я произношу с уважением[7], — человек молодой, но в настоящее время, пожалуй, самый могущественный в нашем государстве, — Луций Корнелий[8] Хрисогон, заплатив за него, как он сам говорит, 2 000 сестерциев. И вот он требует от вас, судьи, чтобы вы — так как он совершенно беззаконно завладел огромным и великолепным чужим имуществом и так как, по его мнению, само существование Секста Росция мешает и препятствует ему пользоваться этим имуществом — рассеяли все его опасения и избавили от страха. Хрисогон думает, что пока Секст Росций жив и невредим, ему не удастся навсегда присвоить себе обширное и богатое отцовское наследие ни в чем не повинного человека, но если Секст Росций будет осужден и изгнан, то он сможет прокутить и промотать все, что приобрел путем злодеяния. Вот он и требует от вас, чтобы вы вырвали из его сердца это опасение, грызущее его душу день и ночь, и сами открыто признали себя его пособниками в этом преступном грабеже. (7) Если его требование вам, судьи, кажется справедливым и честным, то и я, в ответ на него, выдвигаю требование простое и, по моему убеждению, несколько более справедливое.

(III) Во-первых, я прошу Хрисогона удовлетвориться нашим богатством и имуществом, а нашей крови и жизни[9] не требовать; во-вторых, я прошу вас, судьи, дать отпор злодеянию наглецов, облегчить бедственное положение ни в чем не повинных людей и разбором дела Секста Росция устранить опасность, угрожающую всем гражданам. (8) Но если возникнет либо основание для обвинения, либо подозрение в том, что преступление действительно совершено, или же если станет известно какое-нибудь обстоятельство, хотя бы самое ничтожное, которое позволит думать, что у наших противников все же были какие-то основания подать жалобу[10], наконец, если вы найдете любой другой повод к судебному делу, помимо той добычи, о которой я говорил, то мы идем на то, чтобы жизнь Секста Росция была предана в их руки. Если же все дело только в том, чтобы удовлетворить этих ненасытных людей, если ныне они бьются только из-за того, чтобы осуждением Секста Росция как бы завершить захват богатой, великолепной добычи, то, не правда ли, после многих возмутительных фактов самым возмутительным является то, что вас сочли подходящими людьми для того, чтобы ваш вынесенный после присяги приговор закрепил за ними то, чего они обычно достигали преступлениями и оружием; то, что тайные убийцы и гладиаторы[11] требуют, чтобы люди, за свои заслуги избранные из числа граждан в сенаторы, а за свою строгость — из числа сенаторов в этот совет[12], не только освободили их от наказания, которого они за свои злодеяния должны со страхом и трепетом ожидать от вас, но еще и выпустили их отсюда обогащенными и как бы награжденными славной боевой добычей[13].

(IV, 9) Не чувствую в себе сил ни достаточно изящно говорить об этих столь тяжких и столь ужасных преступлениях, ни достаточно убедительно жаловаться, ни достаточно свободно выражать свое переживание. Ибо для изящества речи мне не хватает дарования, убедительности мешает моя молодость, ее свободе — нынешнее положение дел. Кроме того, меня охватывает необычайный страх, что объясняется и моей природной застенчивостью[14], и вашим высоким положением, и силой моих противников, и опасностью, угрожающей Сексту Росцию. Поэтому я прошу и заклинаю вас, судьи, отнестись к моим словам с вниманием и благожелательной снисходительностью. (10) В надежде на вашу честность и мудрость я взял на себя бремя более тяжкое, чем то, какое я, по моему мнению, могу снести. Если вы, судьи, хоть сколько-нибудь облегчите мне его, я буду нести его по мере своих сил, с усердием и настойчиво; но если вы, против моего ожидания, оставите меня без поддержки, я все-таки не паду духом и, пока смогу, буду нести то, что на себя взял. И если я не смогу донести его до конца, то скорее паду под бременем долга, чем предательски брошу или малодушно откажусь от доверенного мне.

(11) Также и тебя — Марк Фанний, я настоятельно прошу — каким ты уже давно проявил себя по отношению к римскому народу, когда председательствовал именно в этом постоянном суде[15], таким покажи себя нам и государству в настоящее время. (V) Какое великое множество людей собралось, чтобы присутствовать при этом суде, ты видишь; чего ожидают все эти люди, как они желают справедливых и строгих приговоров, ты понимаешь. После долгого перерыва сегодня впервые происходит суд по делу об убийстве[16], а между тем за это время были совершены гнуснейшие и чудовищные убийства. Все надеются, что этот постоянный суд, где претором являешься ты, будет по заслугам карать за злодеяния, происходящие у всех на глазах, и за ежедневное пролитие крови.

(12) С тем воплем о помощи, с каким при слушании других дел к судье обычно обращаются обвинители, ныне обращаемся мы, привлеченные к ответственности. Мы просим тебя, Марк Фанний, и вас, судьи, возможно строже покарать за злодеяния, возможно смелее дать отпор наглейшим людям и помнить, что, если вы в этом судебном деле не покажете, каковы ваши взгляды, то жадность, преступность и дерзость способны дойти до того, что не только тайно, но даже здесь на форуме, перед твоим трибуналом[17], Марк Фанний, у ваших ног, судьи, прямо между скамьями будут происходить убийства. (13) И в самом деле, чего другого добиваются посредством этого судебного дела, как не безнаказанности таких деяний? Обвиняют те, кто захватил имущество Секста Росция; отвечает перед судом тот, кому они не оставили ничего, кроме его несчастья. Обвиняют те, кому убийство отца Секста Росция было выгодно[18], отвечает перед судом тот, кому смерть отца принесла не только горе, но и нищету. Обвиняют те, кому непреодолимо захотелось убить присутствующего здесь Секста Росция; перед судом отвечает тот, кто даже на этот самый суд явился с охраной, дабы его не убили здесь же, у вас на глазах. Коротко говоря, обвиняют те, над кем народ требует суда; отвечает тот, кто один уцелел от злодеяния убийц. (14) А чтобы вам легче было понять, судьи, что все происшедшее еще более возмутительно, чем можно думать на основании моих слов, я расскажу вам с самого начала, как все это случилось, дабы вам легче было представить себе и несчастье, постигшее этого, ни в чем не повинного человека, и дерзость тех людей, и бедственное положение государства.

(VI, 15) Секст Росций, отец моего подзащитного, был уроженцем муниципия Америи[19], по своему происхождению, знатности и богатству, пожалуй, первым человеком не только в своем муниципии, но и во всей округе; кроме того, он был известен благодаря своему влиянию и узам гостеприимства, соединявшим его со знатнейшими людьми. Ибо с

Метеллами, Сервилиями и Сципионами его связывали не только узы гостеприимства, но и близкое знакомство и общение. Имена их я называю, как подобает, памятуя их высокое звание и положение. Из всех его преимуществ сыну досталось одно только это; ибо состоянием его отца владеют разбойники-родичи, захватив его силой; но доброе имя и жизнь ни в чем не повинного человека защищают гостеприимцы и друзья его отца. (16) Так как Росций-отец всегда сочувствовал знати, то и во время последних потрясений[20], когда высокому положению и жизни всех знатных людей угрожала опасность, он более, чем кто-либо другой, ревностно отстаивал на своей родине их дело своим примером, проявляя свою преданность им и используя свое влияние. Ибо он действительно считал правильным бороться за почетное положение тех, благодаря которым он сам достиг такого большого почета среди своих сограждан. После того как победа была одержана и мы отложили оружие в сторону, когда начались проскрипции и всюду стали хватать тех, кто считался противниками знати, Секст Росций часто бывал в Риме и ежедневно появлялся на форуме на виду у всех, дабы видно было, что он ликует по поводу победы знати, а не страшится каких бы то ни было печальных последствий для себя самого.

(17) Он давно был не в ладах с двоими Росциями из Америи: один из них, вижу я, сидит на скамьях обвинителей; другой, как мне известно, владеет тремя имениями моего подзащитного. Если бы его отец сумел оградить себя от их вражды настолько же, насколько он ее опасался, он был бы жив. Ведь не без основания он опасался этой вражды, судьи! Ибо двое этих Титов Росциев (прозвание одного из них — Капитон, а этого, присутствующего здесь, зовут Магном[21]) — вот какие люди: первый считается испытанным и известным гладиатором, стяжавшим немало пальмовых ветвей; второй, присутствующий здесь, избрал его своим ланистой[22]; и тот, кто до этого боя, насколько мне известно, был новичком, без труда превзошел своей преступностью самого своего учителя. (VII, 18) Ибо, когда присутствующий здесь Секст Росций был в Америи, то этот вот Тит Росций был в Риме; когда сын безвыездно жил в имениях и, по желанию отца, посвятил себя управлению поместьями и сельскому хозяйству, этот, напротив, постоянно находился в Риме, и именно тогда Секст Росций-отец при возвращении с обеда и был убит возле Паллацинских бань[23]. Уже одно это обстоятельство, надеюсь, не оставляет сомнений, на кого может пасть подозрение в злодеянии; но если сами факты не сделают очевидным того, что пока еще только вызывает подозрение, можете считать моего подзащитного соучастником в преступлении.

(19) После убийства Секста Росция первым принес в Америю это известие некий Маллий Главция, человек бедный, вольноотпущенник, клиент и приятель Тита Росция, и принес его не в дом сына убитого, а в дом его недруга, Тита Капитона. И хотя убийство произошло во втором часу ночи, уже на рассвете гонец прибыл в Америю; за десять ночных часов он пролетел на одноколке пятьдесят шесть миль[24] не только для того, чтобы первым доставить недругу убитого желанную весть, но и чтобы показать ему свежую кровь его недруга и нож, только что извлеченный из его тела. (20) На четвертый день после этого события о случившемся сообщают Хрисогону в лагерь Луция Суллы под Волатеррами[25]. Его внимание обращают на огромное состояние Секста Росция, упоминают и о ценности поместий (ведь убитый оставил тринадцать имений, которые почти все лежат на берегах Тибра), о беспомощности и беззащитности его сына: указывают, что если Секста Росция-отца, человека блистательного[26] и влиятельного, убить было так легко, то ничего не будет стоить устранить его сына, человека неискушенного, выросшего в деревне и неизвестного в Риме; предлагают свою помощь в этом деле. Скажу коротко, судьи: «товарищество» было создано[27].

(VIII, 21) Хотя проскрипций уже и в помине не было, хотя даже те, кто ранее был в страхе, возвращались обратно и считали себя уже вне опасности, имя Секста Росция, горячего сторонника знати, было внесено в списки. Все скупил Хрисогон; три, пожалуй, самых лучших имения перешли в руки Капитона, который владеет ими и ныне; остальное имущество захватил Тит Росций, как он сам говорит, уполномоченный на это Хрисогоном. Это имущество, стоившее 6 000 000 сестерциев, было куплено за 2 000 сестерциев. Я знаю наверное, судьи, что все это было сделано без ведома Луция Суллы. (22) И нет ничего удивительного в том, что он, залечивая раны прошлого и в то же время обдумывая планы будущего и один ведая вопросами мира и войны, когда на него одного обращены все взоры и один он управляет всем, когда он обременен столькими и столь важными делами, что ему и вздохнуть некогда, — что он чего-нибудь и не заметит, тем более, что такое множество людей следит за его занятиями и старается улучить время, чтобы совершить какой-нибудь подобный поступок, стоит ему хотя бы на миг отвернуться. К тому же, как он ни счастлив[29] (а это действительно так), все же никто не может быть настолько счастливым, чтобы не иметь среди своей многочисленной челяди хотя бы одного бесчестного раба или вольноотпущенника.

(23) Тем временем этот вот самый Тит Росций, честнейший муж, доверенный Хрисогона, приезжает в Америю, врывается в имения моего подзащитного и его, несчастного, убитого горем, еще не успевшего полностью отдать последний долг умершему отцу[30], судьи, выбрасывает из дома раздетым догола, отталкивает его от родного очага и богов-пенатов[31], а сам становится хозяином огромного имущества. Человек, живший на свои средства в крайней скудости, оказался, как это часто бывает, наглецом, когда стал жить на чужие; многое он открыто унес к себе домой, еще больше забрал тайно; немало раздарил щедро и без разбора своим пособникам; остальное продал, устроив торги.

(IX, 24) Это так удручающе подействовало на жителей Америи, что по всему городу слышались плач и жалобы. И в самом деле, их воображению одновременно представлялось многое: мучительная смерть Секста Росция, человека, пользовавшегося их глубоким уважением, столь незаслуженная нищета его сына, которому из богатого отцовского достояния этот нечестивый разбойник не оставил даже права прохода к могиле отца[32], позорная покупка имущества, захват его, воровство, хищения, раздачи. Всякий предпочел бы решиться на все, лишь бы не видеть, как Тит Росций кичится, хозяйничая в имении Секста Росция, прекрасного и достойнейшего человека. (25) И вот, декурионы немедленно постановили, чтобы десять старейшин отправились к Луцию Сулле, объяснили ему, каким человеком был Секст Росций, заявили жалобу на злодеяние и беззакония этих людей и попросили его взять под свою защиту доброе имя умершего отца и имущество ни в чем не повинного сына. Прошу вас ознакомиться с этим постановлением [Постановление декурионов]. Посланцы приезжают в лагерь. Становится очевидным, судьи, все то, о чем я уже говорил: эти гнусные злодеяния совершались без ведома Луция Суллы. Ибо Хрисогон немедленно отправился к ним сам, подослал к ним знатных людей просить их не обращаться к Сулле и обещал им, что он, Хрисогон, сделает все, что они захотят. (26) Он так перепугался, что согласился бы умереть, лишь бы Сулла не узнал о его проступках. Посланцы, люди старой закалки, судившие о других по себе, поверили ему, когда он дал им честное слово, что вычеркнет имя Секста Росция из проскрипционных списков и передаст его сыну имения полностью, а когда Тит Росций Капитон, бывший в числе десяти посланцев, тоже обещал им, что это так и будет, они возвратились в Америю, не заявив жалобы.

Сперва начали изо дня в день откладывать и переносить дело на завтра, затем стали все больше затягивать его да еще издеваться и, наконец, как это было легко понять, подготовлять покушение на жизнь присутствующего здесь Секста Росция, полагая, что им не удастся долее владеть чужим имуществом, пока его собственник жив и невредим. (X, 27) Как только Секст Росций узнал об этом, он, по совету друзей и родных, бежал в Рим и обратился — имя ее я произношу с уважением — к Цецилии, сестре Непота, дочери Балеарского, которую хорошо знал его отец. Эта женщина, судьи, по свидетельству всех, являясь образцом для других, даже ныне хранит в себе черты древней верности долгу[33]. Она приняла в свой дом Секста Росция, обнищавшего, лишенного крова и выгнанного из его имений, бежавшего от покушений и угроз разбойников, и пришла на помощь человеку, связанному с ней узами гостеприимства и покинутому всеми. Ее благородству, верности и усердию мой подзащитный обязан тем, что его внесли живым в список обвиняемых, а не убитым в проскрипционный список.

(28) И вот, когда эти люди поняли, что жизнь Секста Росция охраняется чрезвычайно заботливо и что у них нет никакой возможности убить его, они приняли в высшей степени преступное и дерзкое решение — привлечь его к суду по обвинению в отцеубийстве[34] и найти для этого какого-нибудь ловкого обвинителя, который мог бы что-нибудь наболтать даже о таком деле, которое не дает никаких оснований для подозрений; наконец, не имея никаких данных для обвинения, они решили использовать положение дел в государстве. Люди эти говорили так: «Коль скоро так долго дела в суде не слушались, тот, кто первым предстанет перед судом, непременно должен быть осужден; Хрисогон очень влиятелен, и Сексту Росцию защитников не найти; о продаже имущества и о «товариществе» никто даже не заикнется; одного слова «отцеубийство» и такого ужасного обвинения будет достаточно, чтобы убрать его с дороги, так как никто не возьмется его защищать». (29) Руководимые этим замыслом или, вернее, охваченные этим безумием, они отдали этого человека, которого сами они, при всех своих стараниях, не смогли убить, на заклание вам.

(XI) На что мне сперва заявить жалобу, судьи, с чего именно мне лучше всего начать, какой и у кого мне просить помощи? Бессмертных ли богов, римский ли народ, вас ли, обладающих в настоящее время высшей властью, умолять мне о покровительстве? (30) Отец убит злодейски; его дом захвачен недругами; имущество отнято, забрано, расхищено; жизнь сына в опасности и ему не раз уже грозили нож и засада. Какого еще преступления недостает в этом длинном ряду злодеяний? Но все же эти преступления они хотят еще увенчать и усугубить другими, неслыханными; они придумывают невероятное обвинение и обвинителей Секста Росция и свидетелей против него нанимают на его же деньги; они предоставляют несчастному следующий выбор: либо подставить свою шею под удар Титу Росцию[35], либо умереть позорнейшей смертью, зашитым в мешок[36]. Они думали, что у него не найдется защитников; да, их не нашлось; но человек, готовый говорить открыто, готовый защищать по совести, — а этого в настоящем деле достаточно, — такой человек нашелся, судьи! (31) Быть может, я, взявшись вести это дело, поступил опрометчиво в своем юношеском увлечении; но раз я уже взялся за него, клянусь Геркулесом, пусть мне со всех сторон угрожают всяческие ужасы, пусть любые опасности нависнут над моей головой, я встречу их лицом к лицу. Я твердо решил не только говорить обо всем том, что, по моему мнению, имеет отношение к делу Секста Росция, но говорить об этом прямо, смело и независимо; ничто не заставит меня, судьи, из чувства страха изменить своему долгу. (32) И в самом деле, кто дошел до такой степени нравственного падения, что смог бы промолчать или остаться равнодушным, видя все это? Отца моего, хотя его имя и не было внесено в списки, вы умертвили; убив его, вы внесли его в проскрипционные списки; меня вы из моего дома выгнали; имуществом моего отца

вы завладели. Чего вам еще? Неужели вы и к судейским скамьям пришли с мечами и копьями, чтобы здесь или убить Секста Росция или добиться его осуждения?

(XII, 33) Самым необузданным человеком из тех, какие за последнее время были в нашем государстве, был Гай Фимбрия[37], совершенно обезумевший человек, в чем не сомневается никто, кроме тех, кто и сам безумствует. По его проискам во время похорон Гая Мария был ранен Квинт Сцевола[38], благороднейший и наиболее выдающийся муж среди наших граждан; о его заслугах здесь не место много говорить; впрочем, о них нельзя сказать больше, чем помнит сам римский народ; узнав, что Сцевола, возможно, останется в живых, Фимбрия вызвал его в суд[39]. Когда Фимбрию спрашивали, в чем именно будет он обвинять того, кого даже восхвалить в меру его заслуг не возможно, этот неистовый человек, говорят, ответил: «В том, что он не принял удара меча по самую рукоять»[40]. Римский народ не видел зрелища более возмутительного, чем смерть этого человека, которая была столь важным событием, что смогла поразить и погубить всех граждан; ведь именно теми, кого он хотел спасти путем примирения, он и был убит. (34) Не напоминает ли наше дело всего того, что говорил и совершал Фимбрия? Вы обвиняете Секста Росция? Почему же? Потому, что он выскользнул из ваших рук; потому, что не дал убить себя. Преступление Фимбрии, коль скоро оно было совершено над Сцеволой, вызывает большее негодование; но разве можно примириться и с данным преступлением потому, что его совершает Хрисогон? Ибо — во имя бессмертных богов! — зачем в этом судебном деле нужна защита? Имеется ли какая-нибудь статья обвинения, для опровержения которой от защитника потребовалось бы дарование или от оратора — красноречие? Позвольте, судьи, развернуть перед вами все дело и рассмотреть его, показав его вам воочию. Таким образом вам легче будет понять, что именно составляет суть всего судебного дела, о чем придется говорить мне и чего следует держаться вам.

(XIII, 35) Насколько я могу судить, Сексту Росцию ныне угрожают три обстоятельства: обвинение, предъявленное ему его противниками, их дерзость и их могущество. Выдумать преступление взялся обвинитель Эруций; роль отважных негодяев потребовали для себя Росции; Хрисогон же (тот, кто наиболее могуществен) пускает в ход свое влияние. Обо всем этом мне, как я понимаю, и надо говорить. (36) Но как? Не обо всем одинаковым образом: рассмотреть первое обстоятельство — мой долг, разобрать два другие римский народ поручил вам. Мне лично надо опровергнуть обвинение, вы же должны дать отпор дерзости и при первой же возможности искоренить и уничтожить губительное и нестерпимое могущество подобных людей.

(37) Секста Росция обвиняют в отцеубийстве. О, бессмертные боги! Ужасное, нечестивейшее преступление, равное всем другим злодеяниям, вместе взятым! И в самом деле, если дети, по прекрасному выражению мудрецов, часто нарушают свой долг перед родителями уже одним выражением лица, то какая казнь будет достаточным возмездием тому, кто лишил жизни своего отца, за которого, в случае необходимости, законы божеские и человеческие велят умереть? Обвиняя кого-либо в этом столь тяжком, столь ужасном, столь исключительном злодеянии, совершаемом так редко, что в случаях, когда о нем слыхали, его считали подобным зловещему предзнаменованию, какие же улики, Гай Эруций, по-твоему, должен представить обвинитель? Не правда ли, он должен доказать исключительную преступную дерзость обвиняемого, дикость его нравов и свирепость характера, его порочный и позорный образ жизни, его полную безнравственность и испорченность, влекущие его к гибели? Между тем ты — хотя бы ради того, чтобы бросить упрек Сексту Росцию, — не упомянул ни о чем подобном.

(XIV, 39) Секст Росций убил своего отца. — «Что он за человек? Испорченный юнец, подученный негодяями?» — Да ему за сорок лет. — «Очевидно, испытанный убийца, отчаянный человек, не впервые проливающий чужую кровь?» — Но об этом вы от обвинителя ничего не слыхали. — «Тогда его на это злодеяние, конечно, натолкнули расточительность, огромные долги и неукротимые страсти». По обвинению в расточительности его оправдал Эруций, сказав, что он едва ли был хотя бы на одной пирушке. Долгов у него никогда не было. Что касается страстей, то какие страсти могут быть у человека, который, как заявил сам обвинитель, всегда жил в деревне, занимаясь сельским хозяйством? Ведь такая жизнь весьма далека от страстей и учит сознанию долга. (40) Что же в таком случае ввергло Секста Росция в такое неистовство? «Его отец, — говорит обвинитель, — недолюбливал его». Отец его недолюбливал? По какой причине? Для этого непременно должна была быть основательная, важная и понятная всем причина. Ибо, если трудно поверить, что сын мог лишить отца жизни без очень многих и очень важных причин, то маловероятно, чтобы сын мог навлечь на себя ненависть отца без многих причин, важных и основательных. (41) Итак мы снова должны вернуться назад и спросить, какими же такими тяжкими пороками страдал единственный сын, что отец не взлюбил его. Но всем ясно, что никаких пороков у него не было. Следовательно, безумен был отец, раз он без всякого основания ненавидел того, кого произвел на свет? Да нет же, это был человек самого трезвого ума. Итак, конечно, уже вполне ясно, что, если и отец не был безумен, и сын не был негодяем, то не было основания ни для ненависти со стороны отца, ни для злодеяния со стороны сына.

(XV, 42) «Не знаю, — говорит обвинитель, — какова была причина ненависти; что ненависть существовала, я заключаю из того, что раньше, когда у него было два сына, он того, который впоследствии умер, всегда держал при себе, а этого отослал в свои поместья». Мне при защите честнейшего дела приходится столкнуться теперь с теми же трудностями, какие выпали на долю Эруция при его злостном и вздорном обвинении. Эруций не знал, как ему доказать свое вымышленное обвинение; я же не нахожу способа разбить и опровергнуть такие неосновательные заявления. (43) Что ты говоришь, Эруций? Секст Росций, желая сослать и покарать своего сына, поручил ему вести хозяйство и ведать столькими и столь прекрасными, столь доходными имениями? Что скажешь? Разве отцы семейств, имеющие сыновей, особенно муниципалы из сельских областей, не желают всего более, чтобы их сыновья возможно усерднее заботились о поместьях и прилагали возможно больше труда и стараний к обработке земли? (44) Или он отослал сына для того, чтобы тот жил в деревне и получал там только свое пропитание, но не имел от этого никаких выгод? Ну, а если известно, что мой подзащитный не только вел хозяйство в поместьях, но, при жизни отца, также и пользовался доходами с определенных имений[41], то ты все-таки назовешь такую жизнь ссылкой в деревню и изгнанием? Ты видишь, Эруций, как несостоятельны твои доводы, как они далеки от истины. То, что отцы делают почти всегда, ты порицаешь, как нечто необычное; то, что делается по благоволению, ты, в своем обвинении, считаешь проявлением ненависти; то, что отец предоставил сыну, дабы оказать ему честь, он, по-твоему, сделал с целью наказания. (45) И ты прекрасно понимаешь все это, но у тебя так мало оснований для обвинения, что ты считаешь нужным не только выступать против нас, но также и отвергать установленный порядок вещей, обычаи людей и общепринятые взгляды.

(XVI) Но, скажешь ты, ведь он, имея двух сыновей, одного из них не отпускал от себя, а другому позволял жить в деревне. Прошу тебя, Эруций, не обижаться на то, что я тебе скажу, так как я сделаю это не для осуждения, а с целью напомнить тебе кое о чем. (46) Если на твою долю не выпало счастья знать, кто твой отец[42], так что ты не можешь понять, как отец относится к своим детям, то все же ты от природы, несомненно, не лишен

человеческих чувств; к тому же ты — человек образованный и не чуждый даже литературе. Неужели ты думаешь (возьмем пример из комедий), что этот старик у Цецилия[43] любит сына своего Евтиха, живущего в деревне, меньше, чем другого — Херестида (ведь его, если не ошибаюсь[44], так зовут), и что второго он держит при себе в городе, чтобы оказать ему честь, а первого отослал в деревню в наказание? (47) «К чему переходить к этим пустякам?» — скажешь ты. Как будто мне трудно назвать тебе по имени сколько угодно людей — чтобы не ходить далеко за примерами — или из числа членов моей трибы или же из числа моих соседей, которые желают видеть своих сыновей, притом самых любимых, усердными сельскими хозяевами. Но на людей известных ссылаться не следует, так как мы не знаем, хотят ли они быть названными по имени. Кроме того, ни один из них не известен вам лучше, чем этот самый Евтих; наконец, для дела совершенно безразлично, возьму ли я за образец этого молодого человека из комедии или же какого-нибудь жителя области Вей[45]. Ведь поэты, я думаю, создают образы именно для того, чтобы мы, на примерах посторонних людей, видели изображение своих собственных нравов и яркую картину нашей обыденной жизни. (48) А теперь, пожалуйста, обратись к действительности и подумай, какие занятия больше всего нравятся отцам семейств не только в Умбрии и в соседних с ней областях, но также и здесь, в старых муниципиях, и ты, конечно, сразу поймешь, что ты за недостатком улик вменил Сексту Росцию в вину и в преступление то, что было его величайшей заслугой.

(XVII) Но ведь и сыновья поступают так, не только исполняя волю отцов; ведь и я, и каждый из вас, если не ошибаюсь, знаем очень многих людей, которые и сами горячо любят сельское хозяйство, а эту жизнь в деревне, которая, по-твоему, должна считаться позорной и служить основанием для обвинений, находят почетнейшей и приятнейшей. (49) Как, по твоему мнению, относится к сельскому хозяйству сам Секст Росций, присутствующий здесь, и насколько он знает в нем толк? От этих вот родственников его, почтеннейших людей, я слыхал, что ты в своем ремесле обвинителя не искуснее, чем он в своем. Впрочем, по милости Хрисогона, не оставившего ему ни одного имения, ему, пожалуй, придется забыть свое занятие и расстаться со своим усердным трудом. Как это ни тяжело и незаслуженно, все же он перенесет это стойко, судьи, если сможет благодаря вам остаться в живых и сохранить свое доброе имя. Но невыносимо одно — он оказался в таком бедственном положении именно из-за ценности и большого числа своих имений, и как раз то усердие, с каким он их обрабатывал, более всего послужит ему во вред, словно для него недостаточно и того горя, что плодами его трудов пользуются другие, а не он сам; нет, ему вменяют в преступление, что он вообще обрабатывал свои имения.

(XVIII, 50) Ты, Эруций, право, был бы смешон в своей роли обвинителя, родись ты в те времена, когда в консулы избирали прямо от плуга. И в самом деле, раз ты считаешь земледелие унизительным занятием, ты, конечно, признал бы глубоко опозорившимся и утратившим всякое уважение человеком знаменитого Атилия[46], которого посланцы застали бросавшим своей рукой семена в землю. Но предки наши, клянусь Геркулесом, думали совсем иначе — и о нем и о подобных ему мужах[47] — и поэтому государство, вначале незначительное и очень бедное, оставили нам огромным и процветающим. Ибо свои поля они возделывали усердно, а чужих не домогались с алчностью. Этим они, покорив государству земли, города и народы, возвеличили нашу державу и имя римского народа. (51) Привожу эти факты не для того, чтобы сравнивать их с теми, которые мы теперь рассматриваем, но дабы все поняли, что если во времена наших предков выдающиеся мужи и прославленные люди, которые во всякое время должны были бы стоять у кормила государства, все же отдавали сельскому хозяйству некоторую часть своего времени и труда, то следует простить человеку, если он заявит, что он деревенский житель, — раз он всегда безвыездно жил в деревне, — в особенности если он этим более

всего мог угодить отцу, и для него самого именно это занятие было наиболее приятным и, по существу, наиболее достойным.

(52) Итак, Эруций, сильнейшая ненависть отца к сыну видна, если не ошибаюсь, из того, что отец позволял ему жить в деревне. Разве есть какое-нибудь другое доказательство? «Как же, — говорит обвинитель, — есть; ведь отец думал лишить сына наследства». Рад слышать; вот теперь ты говоришь нечто, имеющее отношение к делу; ибо те твои доводы, как ты и сам, думается мне, согласишься, несостоятельны и бессмысленны. «На пирах он не бывал вместе с отцом». — Разумеется; ведь он и в свой город приезжал крайне редко. — «Почти никто не приглашал его к себе». — Не удивительно; ибо он не жил в Риме и не мог ответить на приглашение.

(XIX, 53) Но все это, как ты и сам понимаешь, пустяки. Обратимся к тому, о чем мы начали говорить, — к тому доказательству ненависти, надежнее которого не найти. «Отец думал лишить сына наследства». Не стану спрашивать, по какой причине; спрошу только, откуда ты знаешь это; впрочем, тебе следовало назвать и перечислить все причины; ибо непременной обязанностью обвинителя, уверенного в своей правоте, обличающего своего противника в столь тяжком злодеянии, было представить все пороки и проступки сына, которые могли возмутить отца и побудить его заглушить в себе голос природы, вырвать из своего сердца свойственную всем людям родительскую любовь, словом, забыть, что он отец. Все это, думается мне, могло бы произойти только вследствие тяжких проступков сына. (54) Но я, пожалуй, пойду на уступку: я согласен, чтобы ты прошел мимо всего этого; ведь ты своим молчанием уже соглашаешься признать, что ничего этого не было; но желание Секста Росция лишить сына наследства ты, во всяком случае, должен доказать. Какие же приводишь ты доводы, на основании которых мы должны считать, что это было? Ты не можешь сказать ничего; ну, придумай же хоть что-либо сколько-нибудь подходящее, дабы твое поведение не казалось тем, что оно есть в действительности, — явным издевательством над злоключениями этого несчастного человека и над высоким званием этих вот, столь достойных мужей. Секст Росций хотел лишить сына наследства. По какой причине? — «Не знаю». — Лишил он его наследства? — «Нет». — Кто ему помешал? — «Он думал сделать это». — Думал? Кому он говорил об этом? — «Никому не говорил». Что это, как не происходящее в корыстных целях и ради удовлетворения прихотей злоупотребление судом, законами и вашим достоинством — обвинять таким образом и ставить в вину то, чего не только не можешь, но даже и не пытаешься доказать? (55) Каждый из нас знает, что между тобой, Эруций, и Секстом Росцием личной неприязни нет; все понимают, по какой причине ты выступаешь как его недруг, и знают, что тебя соблазнило его богатство. Что же следует из этого? Как ни велико твое корыстолюбие, тебе все-таки надо было бы сохранять некоторое уважение к мнению этих вот людей и к Реммиеву закону[48].

(XX) Что обвинителей в государстве много, полезно: чувство страха должно сдерживать преступную отвагу[49]; но это полезно лишь при условии, что обвинители не издеваются над нами. Допустим, что есть человек, не виновный ни в чем; однако, хотя вины на нем нет, подозрения против него все же имеются; как это ни печально для него, но все же тому, кто его обвинит, я мог бы простить это. Ибо, раз он может сообщить нечто подозрительное, дающее какой-то повод к обвинению, он не издевается над нами открыто и не клевещет сознательно. (56) Поэтому все мы согласны с тем, чтобы обвинителей было возможно больше, так как невиновный, если он и обвинен, может быть оправдан, виновный же, если он не был обвинен, не может быть осужден; но лучше, чтобы был оправдан невиновный, чем чтобы виноватый так и не был привлечен к суду. На кормление гусей обществом сдается подряд, и в Капитолии содержат собак для того, чтобы они

подавали знак в случае появления воров[50]. Собаки, правда, не могут отличить воров от честных людей, но все же дают знать, если кто-либо входит в Капитолий ночью. И так как это вызывает подозрение, то они — хотя это только животные, — залаяв по ошибке, своей бдительностью приносят пользу. Но если собаки станут лаять и днем, когда люди придут поклониться богам, им, мне думается, перебьют лапы за то, что они проявляют бдительность и тогда, когда для подозрений оснований нет. (57) Вполне сходно с этим и положение обвинителей: одни из вас — гуси, которые только гогочут, но не могут повредить; другие — собаки, которые могут и лаять и кусать. Что вас подкармливают, мы видим; но вы должны нападать главным образом на тех, кто этого заслуживает. Это народу более всего по сердцу. Затем, если захотите, можете лаять и по подозрению — тогда, когда можно предположить, что кто-нибудь совершил преступление; это также допустимо. Но если вы обвините человека в отцеубийстве и не сможете сказать, почему и как убил он отца, и будете лаять попусту, без всякого подозрения, то ног вам, правда, не перебьют, но, если я хорошо знаю наших судей, они с такой силой заклеймят вам лоб той хорошо известной буквой (вы относитесь к ней с такой нелюбовью, что вам ненавистно даже слово «календы»[51]), что впредь вы никого не сможете обвинять, разве только свою собственную злосчастную судьбу.

(XXI, 58) Что же ты, доблестный обвинитель, дал мне такого, от чего я должен был бы защищаться, какое подозрение хотел ты внушить судьям? — «Он опасался, что будет лишен наследства». — Пусть так; но ведь никто не говорит, почему ему следовало опасаться этого. — «Его отец намеревался сделать это». — Докажи. Никаких доказательств нет: неизвестно, ни с кем Секст Росций обсуждал это, ни кого он об этом известил, ни откуда у вас могло явиться такое подозрение. Обвиняя таким образом, не говоришь ли ты, Эруций, во всеуслышание: «Чт**о** я получил, я знаю; чт**о** мне говорить, не знаю; я основывался на одном — на утверждении Хрисогона, что обвиняемому не найти защитника и что о покупке имущества и об этом «товариществе» в наше время никто не осмелится и заикнуться»? Эта ложная надежда и толкнула тебя на путь обмана. Ты, клянусь Геркулесом, не вымолвил бы и слова, если бы думал, что кто-нибудь ответит тебе.

(59) Стоило обратить внимание на то, как небрежно он держал себя, выступая как обвинитель, — если только вы, судьи, заметили это. Увидев, кто сидит на этих вот скамьях, он, вероятно, спросил, будет ли тот или иной из вас защищать подсудимого; насчет меня у него не явилось и подозрения, так как я еще не вел ни одного уголовного дела. Не найдя ни одного из тех, кто может и кто имеет обыкновение выступать, он стал проявлять крайнюю развязность, садясь, когда ему вздумается, затем расхаживая взад и вперед; иногда он даже подзывал к себе раба, вероятно, для того, чтобы заказать ему обед; словом, он вел себя так, точно был совершенно один, не считаясь ни с вами, судьями, ни с присутствующими. (XXII, 60) Наконец, он закончил речь и сел на свое место; встал я. Он, казалось, с облегчением вздохнул, увидев, что говорю я, а не кто-либо другой. Я начал говорить. Как я заметил, судьи, он шутил и занимался посторонними делами, пока я не назвал Хрисогона; стоило мне произнести это имя, как наш приятель тотчас же выпрямился и, видимо, изумился. Я понял, чт**о** именно поразило его. Во второй и в третий раз назвал я Хрисогона. После этого взад и вперед забегали люди, вероятно, чтобы сообщить Хрисогону, что среди граждан есть человек, который осмеливается говорить наперекор его воле; что дело принимает неожиданный оборот; что стала известной покупка имущества; что жестоким нападкам подвергается все это «товарищество», а с его, Хрисогона, влиянием и могуществом не считаются; что судьи слушают весьма внимательно, а народ возмущен. (61) Так как ты в этом ошибся, Эруций, так как ты видишь, что положение круто изменилось, что дело Секста Росция ведется если и не

искусно, то, во всяком случае, в открытую, и так как ты понимаешь, что человека, которого ты считал брошенным на произвол судьбы, защищают; что те, на чье предательство ты надеялся, оказались, как видишь, настоящими людьми, то покажи нам, наконец, снова свою прежнюю хитрость и проницательность, признайся: ты пришел сюда в надежде, что здесь совершится разбой, а не правосудие.

Отцеубийство — вот о чем идет речь в данном суде; но никаких оснований, почему сын мог убить отца, обвинитель не привел. (62) Вопрос, который главным образом и прежде всего ставят даже при наличии ничтожного ущерба и при незначительных проступках, совершаемых довольно часто и чуть ли не каждый день, а именно — какова же была причина злодеяния, этот вопрос Эруций в деле об отцеубийстве не считает нужным задать, а между тем, когда дело идет о таком злодеянии, судьи, то даже при очевидном совпадении многих причин, согласующихся одна с другой, все же ничего не принимают на веру, не делают неосновательных предположений, не слушают ненадежных свидетелей, не выносят приговора, убежденные дарованием обвинителя. Необходимо доказать как множество ранее совершенных злодеяний и развратнейший образ жизни обвиняемого, так и его исключительную дерзость и не только дерзость, но и крайнее неистовство и безумие. И даже при наличии всего этого все-таки должны быть явные следы преступления: где, как, при чьем посредстве и когда именно злодеяние было совершено. Если этих данных немного и они не слишком явны, то мы, конечно, не можем поверить, что совершено такое преступное, такое ужасное, такое нечестивое деяние. (63) Ибо велика сила человеческого чувства, много значит кровное родство; против подобных подозрений вопиет сама природа; выродком, чудовищем в человеческом образе, несомненно, является тот, кто настолько превзошел диких зверей своей свирепостью, что тех людей, благодаря которым сам он увидел свет, он злодейски лишил возможности смотреть на этот сладчайший для нас свет солнца, между тем как даже дикие звери связаны между собой узами общего рождения и даже самой природой[52]. (XXIII, 64) Не так давно некий Тит Целий из Таррацины[53], человек достаточно известный, отправившись после ужина спать в одну комнату со своими двумя молодыми сыновьями, утром был, говорят, найден убитым. Так как не было улик ни против рабов, ни против свободных людей, то, хотя его два сына (взрослые, как я указал), спавшие тут же, утверждали, что ничего не слышали, их все же обвинили в отцеубийстве. Не правда ли, это было более чем подозрительно? Чтобы ни один из них не услышал? Чтобы кто-нибудь решил прокрасться в эту комнату именно тогда, когда там же находилось двое взрослых сыновей, которые легко могли услышать шаги и защитить отца? Итак, подозрение не могло пасть ни на кого другого. (65) Но все-таки, после того как судьям было достоверно доказано, что сыновей нашли спящими при открытых дверях, юноши были по суду оправданы и с них было снято всякое подозрение. Ибо никто не мог поверить, чтобы нашелся человек, который, поправ все божеские и человеческие законы нечестивейшим злодеянием, смог бы тотчас же заснуть, так как, люди, совершившие столь тяжкое преступление, не могут, не говорю уже, беззаботно спать, но даже дышать, не испытывая страха.

(XXIV, 66) Разве вы не знаете, что тех людей, которые, по рассказам поэтов, мстя за отца, убили мать, — несмотря на то, что они, по преданию, совершили это по велению бессмертных богов и оракулов — все же преследуют фурии и не позволяют им найти себе пристанище где бы то ни было — за то, что они не могли выполнить свой сыновний долг, не совершив преступления? Вот как обстоит дело, судьи: велика власть, крепки узы, велика святость отцовской и материнской крови; даже единое пятно этой крови не только не может быть смыто, но проникает до самого сердца, вызывая сильнейшее неистовство и безумие[54]. (67) Но не верьте тому, что вы часто видите в трагедиях, — будто тех, кто совершил нечестивый поступок и злодеяние, преследуют фурии, устрашая их своими

горящими факелами. Всего мучительнее своя собственная вина и свой собственный страх; свое собственное злодеяние лишает человека покоя и ввергает его в безумие; свое собственное безумие и угрызения совести наводят на него ужас; они-то и есть фурии, неразлучные, неотступные спутницы нечестивцев, денно и нощно карающие извергов-сыновей за их родителей! (68) Но сама тяжесть злодеяния и делает его невероятным, если убийство не доказано вполне, если не установлено, что обвиняемый позорно провел свою молодость, что его жизнь запятнана всяческими гнусностями, что он сорил деньгами во вред своей чести и доброму имени, был необуздан в своей дерзости, а его безрассудство было близко к помешательству. К этому всему должна присоединиться ненависть к нему со стороны отца, страх перед наказанием, дружба с дурными людьми, соучастие рабов, выбор удобного времени и подходящего места. Я готов сказать: судьи должны увидеть руки, обагренные кровью отца, чтобы поверить, что произошло такое тяжкое, такое зверское, такое ужасное злодейство. (69) Но зато, чем менее оно вероятно, если оно не доказано, тем строже, если оно установлено, должна быть и кара за него.

(XXV) И вот, если на основании многого можно заключить, что наши предки превзошли другие народы не только своей военной славой, но и разумом и мудростью, то более всего свидетельствует об этом единственная в своем роде казнь, придуманная ими для нечестивцев. Насколько они дальновидностью своей превзошли тех, которые, как говорят, были самыми мудрыми среди всех народов, судите сами. (70) По преданию, мудрейшим государством были Афины, пока властвовали над другими городскими общинами, а в этом городе мудрейшим, говорят, был Солон[55] — тот, который составил законы, действующие в Афинах и поныне. Когда его спросили, почему он не установил казни для отцеубийц, он ответил, что, по его мнению, на такое дело не решится никто. Говорят, он поступил мудро, не назначив кары за деяние, которое до того времени никем не было совершено, — дабы не казалось, что он не столько его запрещает, сколько на него наталкивает. Насколько мудрее были наши предки! Понимая, что на свете нет такой святыни, на которую рано или поздно не посягнула бы человеческая порочность, они придумали для отцеубийц единственную в своем роде казнь, чтобы страхом перед тяжестью наказания удержать от злодеяния тех, кого сама природа не сможет сохранить верными их долгу. Они повелели зашивать отцеубийц живыми в мешок и бросать их в реку.

(XXVI, 71) О, сколь редкостная мудрость, судьи! Не правда ли, они устраняли и вырывали этого человека из всей природы, разом отнимая у него небо, свет солнца, воду и землю, дабы он, убивший того, кто его породил, был лишен всего того, от чего было порождено все сущее. Они не хотели отдавать его тело на растерзание диким зверям, чтобы эти твари, прикоснувшись к такому страшному злодею, не стали еще более лютыми. Они не хотели бросать его в реку нагим, чтобы он, унесенный течением в море, не замарал его вод, которые, как считают, очищают все то, что было осквернено[56]. Словом, они не оставили ему даже малейшей частицы из всего того, что является самым общедоступным и малоценным. (72) И в самом деле, что столь доступно людям, как воздух — живым, как земля — умершим, как море — плывущим, как берег — тем, кто выброшен волнами? Отцеубийцы, пока могут, живут, обходясь без дуновения с небес; они умирают, и их кости не соприкасаются с землей; их тела носятся по волнам, и вода не обмывает их; наконец, их выбрасывает на берег, но даже на прибрежных скалах они не находят себе покоя после смерти[57].

И ты, Эруций, надеешься доказать таким мужам, как наши судьи, справедливость обвинения в злодеянии, караемом столь необычным наказанием, не сообщив даже о причине этого злодеяния? Если бы ты обвинял Секста Росция перед скупщиком его

имущества и если бы на этом суде председательствовал Хрисогон, то даже и тогда тебе следовало бы явиться на суд, подготовившись более тщательно. (73) Разве ты не видишь, какое дело слушается в суде и кто судьи? Слушается дело об отцеубийстве, а это преступление не может быть совершено без многих побудительных причин; судьи же — мудрейшие люди, которые понимают, что без причины никто не совершит даже ничтожного проступка.

(XXVII) Хорошо, указать основания ты не можешь. Хотя я уже теперь должен был бы считаться победителем, я все же готов отказаться от своего права и уступку, какой я не сделал бы в другом деле, сделать тебе в этом, будучи уверен в невиновности Секста Росция. Я не спрашиваю тебя, почему он убил отца; я спрашиваю, каким образом он его убил. Итак, я спрашиваю тебя, Эруций: каким образом? При этом я, хотя и моя очередь говорить, предоставляю тебе возможность и отвечать, и прерывать меня, и даже, если захочешь, меня спрашивать[58].

(74) Каким образом он убил отца? Сам ли он нанес ему удар или же поручил другим совершить это убийство? Если ты утверждаешь, что сам, то его не было в Риме; если ты говоришь, что он сделал это при посредстве других людей, то я спрашиваю, при чьем именно: рабов ли или же свободных людей? Если при посредстве свободных, то при чьем же? При посредстве ли земляков-америйцев или же здешних наемных убийц, жителей Рима? Если это были жители Америи, то кто они такие? Почему их не назвать по имени? Если это были жители Рима, то откуда Росций знал их, когда он в течение многих лет в Рим не приезжал и больше трех дней в нем никогда не проводил? Где он встретился с ними? Как вступил в переговоры? Как убедил их? — «Он заплатил им». — Кому заплатил? Через кого? Из каких средств и сколько? Не по этим ли следам обычно добираются до корней злодеяния? В то же время постарайся вспомнить, какими красками ты расписал образ жизни обвиняемого. Послушать тебя, он был дикого и грубого нрава, никогда ни с кем не разговаривал, никогда не жил в своем городе. (75) Здесь я оставляю в стороне то, что могло бы служить убедительнейшим доказательством его невиновности: в деревне, в простом быту, при суровой жизни, лишенной развлечений, злодеяния подобного рода обычно не случаются. Как не на всякой почве можно найти любой злак и любое дерево, так не всякое преступление может быть порождено любым образом жизни. В городе рождается роскошь; роскошь неминуемо приводит к алчности; алчность переходит в преступную отвагу, а из нее рождаются всяческие пороки и злодеяния. Напротив, деревенская жизнь, которую ты называешь грубой, учит бережливости, рачительности и справедливости.

(XXVIII, 76) Но это я оставляю в стороне; я спрашиваю только: при чьем посредстве человек, который, как ты утверждаешь, никогда с людьми не общался, мог в такой тайне, да еще находясь в отсутствии, совершить такое тяжкое преступление? Многие обвинения бывают ложными, судьи, но их все же подкрепляют такими доводами, что подозрение может возникнуть. Если в этом деле будет найдено хоть какое-нибудь основание для подозрения, то я готов допустить наличие вины. Секст Росций был убит в Риме, когда его сын находился в окрестностях Америи. Он, видимо, послал письмо какому-нибудь наемному убийце, он, который никого не знал в Риме. «Он вызвал его к себе». — Кого и когда? — «Он отправил гонца». — Кого и к кому? — «Он прельстил кого-нибудь платой, подействовал своим влиянием, посулами, обещаниями»; Даже и выдумать ничего подобного не удается — и все-таки слушается дело об отцеубийстве.

(77) Остается предположить, что он совершил отцеубийство при посредстве рабов. О, бессмертные боги! Какое несчастье, какое горе! Ведь именно того, что при таком

обвинении обычно приносит спасение невиновным, Сексту Росцию сделать нельзя: он не может дать обязательство представить в суд, для допроса, своих рабов[59]. Ведь вы, обвинители Секста Росция, владеете всеми его рабами. Даже и одного раба, для ежедневного прислуживания за столом, не оставили Сексту Росцию из всей его многочисленной челяди! Я обращаюсь теперь к тебе, Публий Сципион, к тебе, Марк Метелл! При вашем заступничестве, при вашем посредничестве Секст Росций несколько раз требовал от своих противников, чтобы они представили двух рабов, принадлежавших его отцу[60]. Вы помните, что Тит Росций ответил отказом? Что же? Где эти рабы? Они сопровождают Хрисогона, судьи! Они у него в почете и в цене. Даже теперь я требую их допроса, а мой подзащитный вас об этом просит и умоляет. (78) Что же вы делаете? Почему вы отказываете нам? Подумайте, судьи, можете ли вы даже и теперь сомневаться в том, кто именно убил Секста Росция: тот ли, кто из-за его смерти стал нищим, кому грозят опасности, кому не дают возможности даже произвести следствие о смерти отца, или же те, кто уклоняется от следствия, владеет его имуществом и живет убийством и плодами убийств? Все в этом деле, судьи, вызывает печаль и негодование, но самое жестокое и несправедливое, о чем надо сказать, — это то, что сыну не позволяют допросить рабов отца о смерти отца! Неужели его власть над своими рабами не будет продлена до тех пор, пока они не подвергнутся допросу о смерти его отца? Но к этому я еще вернусь и притом вскоре; ибо это всецело касается тех Росциев, о чьей преступной дерзости я обещал говорить, после того как опровергну обвинения, предъявленные Эруцием.

(XXIX, 79) Теперь перехожу к тебе, Эруций! Ты должен согласиться со мной, что, если мой подзащитный замешан в этом злодеянии, то он совершил его либо сам, что ты отрицаешь, либо при посредстве каких-то свободных людей или рабов. При посредстве свободных людей? Но ты не можешь указать, ни как он мог с ними встретиться, ни как он мог склонить их к убийству: ни где, ни через кого, ни какими посулами, ни какой платой. Напротив, я доказываю, что Секст Росций не только не делал ничего подобного, но даже и не мог сделать, так как не бывал в Риме в течение многих лет и никогда, без важной причины, не выезжал из своих имений. Тебе, по-видимому, остается назвать рабов; это будет как бы гавань, где ты сможешь укрыться, после того как все твои другие подозрения потерпят крушение; но здесь ты налетишь на такую скалу, что не только разобьется об нее твое обвинение, но и все подозрения, как ты сам поймешь, падут на вас самих.

(80) Итак, какое же, скажите мне, прибежище нашел для себя обвинитель за недостатком улик? «Время было такое, — говорит он, — людей походя убивали безнаказанно; поэтому, так как в убийцах недостатка не было, ты и мог совершить преступление без всякого труда». Мне иногда кажется, Эруций, что ты за одну и ту же плату хочешь достигнуть двух целей[61]: запугать нас судом и в то же время именно тех, от кого ты получил плату, обвинить. Что ты говоришь? Убивали походя? Чьей же рукой и по чьему приказанию? Разве ты не помнишь, что тебя сюда привели именно скупщики конфискованного имущества? Что из этого следует? Разве мы не знаем, что в те времена, в большинстве случаев, одни и те же люди и отрубали головы, и дробили имения[62]? (81) Словом, те самые люди, которые днем и ночью расхаживали с оружием в руках, никогда не покидали Рима, все время грабили и проливали кровь, вменят в вину Сексту Росцию жестокость и несправедливость, свойственные тому времени, а присутствие множества убийц, чьими предводителями и главарями были они сами, будут считать основанием для того, чтобы его обвинить? Ведь его тогда не только не было в Риме; он вообще не знал, что происходит в Риме; он безвыездно жил в деревне, как ты сам признаешь.

(82) Я боюсь наскучить вам, судьи, или вам, быть может, покажется, что я не доверяю вашему уму, если стану еще более рассуждать о столь очевидных вещах. Все обвинения, предъявленные Эруцием, думается мне, опровергнуты. Ведь вы, надеюсь, не ждете, что я стану опровергать новые обвинения в казнокрадстве[63] и другие, подобные им лживые выдумки, о которых мы до сего времени и не слыхали. Мне даже показалось, будто он читал отрывок из речи[64], составленной против другого обвиняемого; это не имело никакого отношения ни к обвинению в отцеубийстве, ни к самому подсудимому; коль скоро эти обвинения сводились к одним словам, их достаточно и опровергнуть одними словами; если же он оставляет кое-что до допроса свидетелей, то и тогда, как и во время обсуждения самого дела, он найдет нас более подготовленными, чем ожидал.

(XXX, 83) Теперь перехожу к той части своей речи, к которой меня влечет не мое личное желание, а чувство долга. Ибо, если бы мне хотелось стать обвинителем, я предпочел бы обвинять тех, благодаря кому я мог бы прославиться[65]; но я решил не делать этого, пока буду волен выбирать. Ибо самый достойный человек, по моему мнению, — тот, кто благодаря своей собственной доблести занял более высокое место, а не тот, кто преуспевает ценой чужих несчастий и бед. Пора нам перестать рассматривать пустые обвинения; поищем злодеяние там, где оно действительно кроется и где его можно найти. Тогда ты, Эруций, поймешь, как много надо собрать подозрительных фактов, чтобы предъявить обоснованное обвинение, хотя я не выскажу всего и только слегка коснусь каждого отдельного факта. Я не сделал бы и этого, не будь это необходимо, а доказательством того, что я поступаю так поневоле, будет именно то, что я буду говорить не больше, чем этого потребует благо моего подзащитного и мое чувство долга.

(84) Ты не смог найти причину убийства, когда дело касалось Секста Росция; зато для убийства его Титом Росцием я причины нахожу. Да, тебя имею я в виду, Тит Росций, так как ты сидишь вон там, на скамьях обвинителей, и открыто объявляешь себя нашим противником. О Капитоне речь будет впереди, если он выступит как свидетель, к чему он, как я слыхал, готовится; тогда он узнает и о других своих лаврах; он даже не подозревает, что я слыхал о них. Знаменитый Луций Кассий, которого римский народ считал справедливейшим и мудрейшим судьей, обычно спрашивал во время суда: «Кому это выгодно?»[66] Такова жизнь человека: никто не пытается совершить злодеяние без расчета и без пользы для себя. (85) Его, как председателя суда и как судьи, избегали и страшились все те, кому грозил уголовный суд, так как он, при всей своей любви к правде, все же казался от природы не столько склонным к состраданию, сколько сторонником строгости. Я же — хотя во главе этого постоянного суда стоит муж, непримиримо относящийся к преступным и милосерднейший к невинным людям, — все же легко согласился бы защищать Секста Росция и в суде под председательством того самого суровейшего судьи и перед Кассиевыми судьями, чье одно имя и поныне внушает ужас людям, привлекаемым к ответственности.

(XXXI, 86) Ведь они, видя, что противная сторона владеет огромным имуществом, а мой подзащитный находится в крайней нищете, право, не стали бы спрашивать в этом судебном деле, кому это было выгодно, но ввиду очевидности этого заподозрили бы и обвинили тех, в чьих руках добыча, а не того, кто лишился всего. А что, если к тому же ты ранее был беден, был алчен, был преступно дерзок, был злейшим недругом убитого? Нужно ли еще доискиваться причины, побудившей тебя совершить такое злодеяние? Да возможно ли отрицать что-либо из упомянутого мной? Бедность его такова, что он не может скрыть ее и она тем более явна, чем больше он ее прячет. (87) Алчность свою ты проявляешь открыто, раз ты вошел с совершенно чужим тебе человеком в «товарищество» по разделу имущества своего земляка и родича. Какова твоя дерзость, все могли понять

уже из одного того, — о другом я уже и не говорю, — что из всего «товарищества», то есть из числа стольких убийц, нашелся один ты, чтобы занять место на скамье обвинителей, причем ты не только не прячешь своего лица, но даже выставляешь его напоказ. Что ты с Секстом Росцием враждовал и что у вас были большие споры из-за имущества, ты должен признать.

(88) И мы, судьи, еще будем сомневаться, кто из них двоих убил Секста Росция: тот ли, кому, с его смертью, достались богатства, или же тот, кто впал в нищету; тот ли, кто до убийства был неимущим, или же тот, кто после него обеднел; тот ли, кто, горя алчностью, как враг набрасывается на своих родственников, или же тот, кто по своему образу жизни никогда не знал стяжания и пользовался только тем доходом, какой ему доставлял его труд; тот ли, кто является самым наглым из всех скупщиков конфискованного имущества, или же тот, кто по своей непривычке к форуму и суду страшится, уже не говорю, этих скамей, нет, даже пребывания в Риме; наконец, судьи, — и это, по-моему, самое важное — недруг ли Секста Росция или же его сын?

(XXXII, 89) Если бы ты, Эруций, располагал столькими и столь важными уликами против обвиняемого, то как долго говорил бы ты, как кичился бы ими! Тебе, клянусь Геркулесом, скорее не хватило бы времени, чем слов. В самом деле, по отдельным вопросам данных так много, что ты мог бы обсуждать их в течение ряда дней. Да и я вовсе не лишен этой способности; ибо я не настолько преуменьшаю свое умение, — хотя и не преувеличиваю его, — чтобы думать, будто ты умеешь говорить более пространно, чем я. Но я, — быть может, вследствие того, что защитников много, — не выделяюсь из их толпы, между тем как тебя «битва под Каннами» сделала достаточно видным обвинителем. Да, много убитых пришлось нам увидеть, но не у Тразименских, а у Сервилиевых вод[67]. (90)

Фригийский меч кому не наносил там ран?[68]

Нет необходимости упоминать обо всех Курциях, Мариях, наконец, Меммиях, которых уже сам их возраст освобождал от участия в боях, и, в последнюю очередь, о самом старце Приаме — об Антистии, которому не только его лета, но и законы запрещали сражаться[69]. Далее, были сотни обвинителей (их никто не называет по имени ввиду их неизвестности), которые выступали обвинителями в суде по делам об убийстве и отравлении. По мне, пусть бы все они остались живы; ибо нет ничего дурного в том, чтобы было возможно больше собак там, где надо следить за очень многими людьми и многое охранять. (91) Однако бывает, что в вихре и буре войны совершается многое без ведома императоров[70]. В то время как тот, кто управлял всем государством, был занят другими делами, находились люди, врачевавшие собственные раны; они бесчинствовали во мраке и все ниспровергали, как будто на государство спустилась вечная ночь; удивляюсь, как они, дабы от правосудия не осталось и следа, не сожгли и самих скамей; ведь они уничтожили и обвинителей и судей. К счастью, они вели такой образ жизни, что истребить всех свидетелей они, при всем своем желании, не смогли бы: пока будет существовать человеческий род, не будет недостатка в людях, готовых обвинять их; пока будет существовать государство, будет совершаться суд. Но, как я уже заметил, Эруций, если бы он располагал уликами, о каких я упоминал, мог бы говорить об этом без конца и я мог бы сделать это же самое, судьи! Но я, как уже говорил, намерен вкратце упомянуть об этом и только слегка коснуться каждой статьи, дабы все поняли, что я не обвиняю по своему побуждению, а защищаю в силу своего долга.

(XXXIII, 92) Итак, как я вижу, было очень много причин, толкавших Тита Росция на злодеяние. Посмотрим теперь, была ли у него возможность совершить его. Где был убит Секст Росций? — «В Риме». — Ну, а ты, Тит Росций, где был тогда? — «В Риме, но что же из того? Там были многие и помимо меня». Словно теперь речь идет о том, кто из этого множества людей был убийцей, а не спрашивается, что более правдоподобно: кем был убит человек, убитый в Риме, — тем ли, кто в те времена безвыездно жил в Риме, или же тем, кто в течение многих лет вообще не приезжал в Рим? (93) А теперь рассмотрим и другие возможности совершить преступление. Тогда было множество убийц, о чем говорил Эруций, и людей убивали безнаказанно. Что же это были за убийцы? Если не ошибаюсь, это были либо те, кто скупал имущество, либо те, кого эти скупщики нанимали для убийства. Если ты относишь к ним охотников до чужого добра, то ты как раз из их числа; ведь ты разбогател за наш счет; если же тех, кого люди, выражающиеся более мягко, называют мастерами наносить удар, то выясни, под чьим покровительством они находятся и чьи они клиенты. Поверь мне, ты найдешь там кое-кого из членов своего «товарищества»[71]. И как бы ты ни возражал мне, сопоставь это с моими доводами в защиту обвиняемого; тогда легче всего будет сравнить дело Секста Росция с твоим. (94) Ты скажешь: «Что из того, что я безвыездно жил в Риме?» Отвечу: «А я там вовсе не бывал». — «Признаю себя скупщиком имущества, но ведь таких много». — «А я, по твоим собственным словам, земледелец и деревенский житель». — «Из того, что я вращался в шайке убийц вовсе еще не следует, что я сам — убийца». — «А я, который даже не знаком ни с одним убийцей, и подавно далек от такого преступления». Можно привести много доказательств в пользу того, что у тебя была полная возможность совершить это злодеяние; опускаю их не только потому, что не очень охотно обвиняю тебя, а скорее потому, что, если бы я захотел напомнить о многих убийствах, совершенных тогда же и точно таким же образом, как и убийство Секста Росция, то речь моя могла бы затронуть слишком многих.

(XXXIV, 95) Рассмотрим теперь — также в общих чертах — твое поведение, Тит Росций, после смерти Секста Росция. Все настолько очевидно и ясно, что я, клянусь богом верности[72], судьи, говорю об этом неохотно. Ибо, каким бы человеком ты ни был, Тит Росций, пожалуй, покажется, что я, стремясь спасти Секста Росция, тебя совершенно не щажу. Но я, даже опасаясь вызвать это впечатление и, желая пощадить тебя хотя бы отчасти, насколько смогу сделать это, не нарушая своего долга, все же снова меняю свое намерение, так как вспоминаю твою наглость. Когда твои другие сообщники сбежали и скрылись, чтобы казалось, будто этот суд происходит по делу не о совершенном ими грабеже, а о злодеянии Секста Росция, не ты ли выпросил для себя эту роль — выступить в суде и сидеть рядом с обвинителем? Этим ты добился только одного: теперь все убеждены в твоей дерзости и бесстыдстве. (96) Кто первым принес в Америю весть об убийстве Секста Росция? Маллий Главция, которого я уже назвал ранее, — твой клиент и приятель. Почему же ему надо было известить именно тебя о том, что менее всего должно было тебя касаться, если только ты уже заранее не замыслил убийства Секста Росция и захвата его имущества и если ты ни с кем не сговорился — ни насчет злодеяния, ни насчет награды за него? — «Маллий принес эту весть по своему собственному желанию». — Скажи на милость, какое дело было ему до этого? Или он, приехав в Америю не по этому поводу, случайно первым привез известие о том, о чем слыхал в Риме? Зачем он приезжал в Америю? — «Я не умею, — говоришь ты, — угадывать чужие мысли». Но я сделаю так, что угадывать не понадобится. Из каких же соображений он прежде всего известил Тита Росция Капитона? В Америи ведь был дом самого Секста Росция, жили его жена и дети[73], множество близких и родичей с которыми он был в наилучших отношениях. Из каких же соображений твой клиент, злодеяния твоего вестник, известил об этом именно Тита Росция Капитона?

(97) Секст Росций был убит при возвращении с обеда; еще не рассвело, как в Америи уже знали об этом. Чем объяснить эту невероятно скорую езду, эту необычайную поспешность и торопливость? Не спрашиваю, кто нанес удар Сексту Росцию; можешь не бояться, Главция! Я тебя не обыскиваю, чтобы узнать, нет ли у тебя случайно оружия, и тебя не допрашиваю; я полагаю, что это не мое дело; так как я вижу, по чьему умыслу он был убит, то, чьей рукой ему был нанесен удар, меня не заботит. Я ссылаюсь лишь на те улики, которые мне раскрывают твое явное преступление, а также и на несомненные факты. Где и от кого услыхал Главция об убийстве? Как мог он так быстро узнать о нем? Допустим, он услыхал о нем тотчас же? Что заставило его проделать в одну ночь такой длинный путь? Какая крайняя необходимость принудила его — даже если он ездил в Америю по своему собственному желанию — в такой поздний час выехать из Рима и не спать всю ночь напролет?

(XXXV, 98) Нужно ли, располагая столь очевидными уликами, еще искать доказательств или прибегать к догадкам? Не кажется ли вам, судьи, что вы, слыша об этом, видите все воочию? Не видите ли вы перед собой несчастного, возвращающегося с обеда и не предвидящего гибели, ожидающей его; не видите ли вы засады, устроенной ему, и внезапного нападения? Не появляется ли перед вашими глазами Главция с окровавленными руками, не присутствует ли при этом сам Тит Росций? Не своими ли руками усаживает он на повозку этого Автомедонта[74], вестника его жесточайшего злодейства и нечестивой победы? Не просит ли он его не спать эту ночь, потрудиться из уважения к нему и возможно скорее известить Капитона? (99) По какой причине он хотел, чтобы именно Капитон узнал об этом первым? Не знаю, но вижу одно — Капитон участвовал в дележе имущества Секста Росция: из его тринадцати имений Капитон, вижу я, владеет тремя наилучшими. (100) Кроме того, я слыхал, что это не первое подозрение, падающее на Капитона, что он заслужил много позорных для него пальмовых ветвей, но эта, полученная им в Риме, даже украшена лентами[75]; что нет ни одного способа убийства, которым бы он не умертвил нескольких человек: многих он лишил жизни ножом, многих — ядом; я даже могу назвать вам человека, которого он, вопреки обычаю предков, сбросил с моста в Тибр, хотя ему еще не было шестидесяти лет[76]. Обо всем этом он, если выступит или, вернее, когда выступит как свидетель (ибо я знаю, что он выступит), услышит. (101) Пусть он только подойдет, пусть развернет свой свиток, который, как я могу доказать, для него составил Эруций; ведь он, говорят, запугивал им Секста Росция и угрожал ему, что скажет все это в своем свидетельском показании. Ну, и достойный свидетель, судьи! О, вожделенная строгость взглядов! О, честная жизнь, до такой степени честная, что вы, дав присягу, будете охотно голосовать в полном соответствии с его свидетельскими показаниями! Мы, конечно, не убедились бы с такой очевидностью в злодеяниях этих людей, если бы их самих не ослепляли их жадность, алчность и дерзость.

(XXXVI, 102) Один из них[76a] тотчас же после убийства послал в Америю крылатого вестника к своему сообщнику, вернее, учителю, так что он — даже если бы все пожелали скрыть, что они знают, кто именно совершил злодеяние, — все же сам открыто выставляет свое преступление всем напоказ. Другой же[77] — если позволят бессмертные боги! — даже намерен дать свидетельские показания против Секста Росция; как будто действительно теперь речь идет о доверии к его словам, а не о возмездии за его деяние. Недаром предки наши установили, что даже в самых незначительных судебных делах люди, занимающие самое высокое положение, не должны выступать свидетелями, если дело касается их самих. (103) Публий Африканский[78], чье прозвание ясно говорит о покорении им третьей части мира, и тот не стал бы выступать как свидетель, если бы дело касалось его самого; а ведь о таком муже я не решаюсь сказать: «Если бы он выступил, ему не поверили бы». Посмотрите теперь, насколько все изменилось к худшему, когда

слушается дело об имуществе и об убийстве, то свидетелем намерен выступить человек, являющийся скупщиком конфискованного имущества и убийцей, покупатель и владелец того самого имущества, о котором идет речь, подстроивший убийство человека, чья смерть является предметом данного судебного дела.

(104) Ну, что? Ты, честнейший муж, хочешь что-то сказать? Послушайся меня: смотри, как бы ты себе не повредил сам; ведь разбирается дело, очень важное и для тебя. Много совершил ты злодеяний, много наглых, много бесчестных поступков, но одну величайшую глупость, — конечно, самостоятельно, а не по совету Эруция: тебе вовсе не следовало садиться на то место, где сидишь; ведь никому не нужен ни немой обвинитель, ни свидетель, встающий со скамей обвинения. К тому же без этого ваша алчность все же была бы несколько лучше скрыта и затаена. Чего еще теперь от вас ждать, если вы держите себя так, что можно подумать, будто вы действуете в нашу пользу и во вред самим себе? (105) А теперь, судьи, рассмотрим события, происшедшие тотчас же после убийства.

(XXXVII) О смерти Секста Росция Хрисогону сообщили в лагерь Луция Суллы под Волатеррами на четвертый день после убийства. Неужели еще и теперь возникает вопрос, кто послал этого гонца? Неужели не ясно, что это был тот же человек, который отправил гонца в Америю? И вот, Хрисогон велел устроить продажу имущества Секста Росция немедленно, хотя не знал ни убитого, ни обстоятельств дела. Почему же ему пришло на ум пожелать приобрести имения неизвестного ему человека, которого он вообще никогда не видел? Когда вы, судьи, слышите о чем-либо подобном, вы обычно тотчас же говорите: «Конечно, об этом ему сказал кто-нибудь из земляков или соседей; именно они в большинстве случаев оказываются доносчиками; они же многих и предают». (106) В этом случае нет оснований считать это одним лишь подозрением. Ибо я не стану рассуждать так: «Вполне вероятно, что Росции сообщили об этом Хрисогону; ведь они и ранее были в дружеских отношениях с ним; ибо, хотя у Росциев и было много старых патронов[79] и гостеприимцев, связь с которыми к ним перешла от предков, все же они перестали почитать и уважать всех их и отдались под покровительство Хрисогона, признав себя его клиентами».

(107) Я мог бы сказать все это, не уклоняясь от истины, но в этом судебном деле нет никакой надобности прибегать к догадкам; Росции, я уверен, и сами не отрицают, что Хрисогон подобрался к этому имуществу по их наущению. Если того, кто получил часть этого имущества как награду за извещение Хрисогона, вы увидите воочию, то сможете ли вы, судьи, сомневаться в том, кто именно донес? Кто же те люди, которым Хрисогон уделил часть этого имущества? Оба Росция. Может быть, еще кто-нибудь, кроме них? Никого нет, судьи! Так возможны ли сомнения в том, что добычу предложили Хрисогону именно те люди, которые и получили от него часть этой добычи?

(108) А теперь рассмотрим поведение Росциев на основании суждения самого Хрисогона. Если они в этом кровавом деле не совершили ничего такого, что заслуживало бы награды, то за что Хрисогон так щедро их одарил? Если они только сообщили ему о случившемся, то разве нельзя было выразить им свою благодарность словесно или же, наконец, желая проявить особую щедрость, сделать им небольшой подарок в знак своей признательности? Почему Капитону тотчас были даны три имения огромной стоимости? Почему Тит Росций вместе с Хрисогоном сообща владеют остальными имениями? Неужели еще не ясно, судьи, что Хрисогон уступил Росциям часть этой добычи, узнав все обстоятельства дела?

(XXXVIII, 109) В числе десяти старейшин в качестве посланца приехал в лагерь Капитон. Обо всем его образе жизни, характере и нравах вы можете судить на основании одного только этого посольства. Если вы не убедитесь, судьи, что нет долга, что нет права, которого, несмотря на всю его святость и неприкосновенность, Капитон не оскорбил бы и не попрал в своей преступной подлости, то можете считать его честнейшим человеком. (110) Он помешал посланцам рассказать Сулле о случившемся, сообщил Хрисогону о планах и намерениях других посланцев, посоветовал ему принять меры, чтобы дело не получило огласки, указал ему, что, если продажа имущества будет отменена, Хрисогон лишится больших денег, а сам он предстанет перед уголовным судом. Хрисогона он подстрекал, своих товарищей по посольству обманывал. Первому он беспрестанно советовал быть осторожным, а вторым предательски подавал ложную надежду; с Хрисогоном он составлял планы во вред посланцам, а их планы выдавал Хрисогону; с ним он договорился о величине своей доли, а им он, каждый раз придумывая тот или иной предлог для отсрочки, преграждал всякий доступ к Сулле. Кончилось тем, что вследствие его советов, представлений и посредничества посланцы так и не дошли до Суллы: обманутые в своем доверии его вероломством, они — вы сможете узнать об этом от них самих, если обвинитель захочет вызвать их как свидетелей[80], — вернулись домой с ложными надеждами вместо успешного завершения дела.

(111) Предки наши считали величайшим позором, если кто-нибудь, даже в частных делах, отнесется к доверенному ему делу, не говорю уже — хотя бы с малейшим злым умыслом, в целях стяжания или ради своей выгоды, но даже несколько небрежно. Поэтому и было постановлено, что осуждение за нарушение доверия не менее позорно, чем осуждение за кражу[81], — мне думается, потому, что в делах, вести которые мы не можем сами, мы доверяем друзьям занять наше место, так что человек, не оправдывающий доверия, посягает на всеобщий оплот и, настолько это в его власти, подрывает основы общественной жизни. Ведь мы не можем сами вести все дела; один может принести больше пользы в одном деле, другой — в другом. Поэтому мы и вступаем в дружеские отношения, чтобы взаимными услугами действовать ради общей выгоды. (11) Зачем брать на себя поручение, если ты намерен небрежно отнестись к нему или своекорыстно его использовать? Зачем ты предлагаешь мне свою помощь и своей притворной услужливостью мешаешь и вредишь мне? Оставь меня в покое, я буду действовать через других. Ты берешь на себя бремя обязанностей и думаешь, что оно по силам тебе, а оно не тяжко лишь для тех людей, которые сами не легковесны.

(XXXIX) Итак, подобный проступок позорен именно потому, что оскорбляет два священнейших начала — дружбу и верность слову. Ибо каждый дает поручение только другу и верит только тому, кого считает заслуживающим доверия. Только величайший негодяй может нарушить дружбу и обмануть человека, который не пострадал бы, не доверься он ему. (113) Не так ли? Если тот, кто небрежно относится к незначительному поручению, возложенному на него, должен быть заклеймен позорнейшим приговором, то можно ли того, кто в таком важном деле, когда ему были поручены и доверены доброе имя умершего и достояние находящегося в живых человека, опорочил умершего и обрек живущего на нищету, относить к числу честных людей или, вернее, полноправных граждан? В делах самых незначительных и частных за простую небрежность, проявленную при выполнении поручения, привлекают к суду и карают лишением чести, так как — если дело ведется честно — проявить некоторую небрежность позволительно доверителю, а не доверенному лицу. Какому же наказанию будет подвергнут и каким приговором будет заклеймен человек, который в столь важном деле, порученном и доверенном ему официально, не небрежностью своей нанес ущерб каким-либо частным интересам, а вероломством своим осквернил и запятнал священный характер посольства?

(114) Если бы Секст Росций как частное лицо поручил Капитону вступить в переговоры и прийти к соглашению с Хрисогоном и, в случае надобности, действовать по совести и на свою ответственность, и если бы Капитон, взяв на себя эту задачу, извлек из этого поручения хотя бы малейшую выгоду для себя лично, то неужели он, в случае осуждения арбитральным судом, не возместил бы нанесенного им убытка и не был бы совершенно опорочен[82]? (115) Теперь же не Секст Росций дал ему это поручение, но (что гораздо важнее) сам Секст Росций, его доброе имя, жизнь и достояние были официально поручены Титу Росцию декурионами, а из этого он извлек для себя не какую-нибудь незначительную прибыль, а в конец разорил моего подзащитного, сам выговорил для себя три имения, а к воле декурионов и всех муниципалов отнесся с таким же неуважением, как и к своему собственному честному слову.

(XL, 116) Далее обратите внимание, судьи, на другие поступки Тита Росция и вы поймете, что нельзя и представить себе злодеяние, которым он не запятнал бы себя. Обмануть товарища по предприятию даже в менее важном деле — низкий поступок, столь же низкий, как и тот, о котором я только что говорил. И мнение это вполне справедливо, так как человек думает, что обеспечил себе помощь, объединившись с другим. На кого же положиться ему, если человек, которому он доверился, его доверием злоупотребил? При этом наиболее строгому наказанию должны подлежать проступки, уберечься от которых труднее всего. Скрытными мы можем быть по отношению к посторонним людям, но с близкими мы всегда более откровенны. Как можем мы остерегаться товарища по предприятию? Даже опасаясь его, мы оскорбляем права, предоставляемые ему его обязанностями. Поэтому человека, обманувшего товарища по предприятию, наши предки вполне справедливо не считали возможным причислять к порядочным людям. (117) Однако Тит Росций не просто одного своего товарища по денежным делам обманул; хотя это и является проступком, но все же с этим как-то можно смириться; девятерых честнейших людей, имевших общие с ним полномочия, своих товарищей по посольству, обязанностям и поручению, он подвел, опутал, одурачил, выдал их противникам и обманул, прибегнув ко всякого рода лжи и вероломству, а они не могли даже заподозрить его в преступлении, не опасались своего товарища по обязанностям, не видели его злых умыслов, поверили его пустым словам. И вот теперь из-за его коварства этих честнейших людей обвиняют в недостатке осторожности и предусмотрительности; он же, бывший сначала предателем, потом перебежчиком, сперва рассказавший о намерениях своих товарищей их противникам, а затем вступивший в сговор с самими противниками, еще устрашает и запугивает нас, он, награжденный за свое преступление тремя имениями. При такой его жизни, судьи, в числе его стольких и столь гнусных поступков вы найдете и злодеяние, рассматриваемое этим судом.

(118) Вот как вы должны вести следствие: где вы увидите много проявлений алчности, дерзости, бесчестности и вероломства, там, будьте уверены, среди стольких гнусных поступков скрывается и преступление. Впрочем, как раз оно менее всего бывает скрыто, так как оно столь явно и очевидно, что нет надобности доказывать его теми злодеяниями, которыми, как всем известно, запятнал себя этот человек; оно даже само служит доказательством наличия всякого другого преступления, в котором могли быть сомнения. Каково же ваше мнение, судьи? Неужели вы думаете, что тот ланиста[83] уже совсем отложил в сторону свой меч или что этот ученик сколько-нибудь уступает своему наставнику в искусстве? Они равны по своей алчности, похожи друг на друга своей бесчестностью, одинаково бесстыдны, родные братья по дерзости.

(XLI, 119) Далее, так как честность наставника вы оценили, оцените теперь справедливость ученика. Я уже говорил, что у Росциев не раз требовали двух рабов для

допроса. Ты, Тит Росций, в этом всегда отказывал. Я спрашиваю тебя: требовавшие ли не были достойны того, чтобы ты выполнил их требование, или же тебя не волновала судьба того человека, ради которого предъявлялось это требование, или же само требование казалось тебе несправедливым? Требование это предъявляли знатнейшие и неподкупнейшие люди нашего государства, которых я уже называл. Они так прожили свою жизнь, их так высоко ценит римский народ, что едва ли найдется хотя бы один человек, который не признал бы справедливым любое их слово. И требование свое они предъявляли, защищая вызывающего глубокую жалость несчастнейшего человека, который, при надобности, сам был бы готов подвергнуться пытке, лишь бы было произведено следствие о смерти его отца. (120) Далее, требование, предъявленное тебе, было такого рода, что твой отказ был равносилен твоему сознанию в совершении тобой злодеяния. Коль скоро это так, и я спрашиваю тебя, почему ты ответил отказом. Во время убийства Секста Росция эти рабы были при нем. Их самих я лично не обвиняю и не оправдываю, но вы так резко возражаете против выдачи их для допроса, что это становится подозрительным; а то весьма почетное положение, в каком они находятся у вас, с несомненностью доказывает, что им известно нечто роковое для вас, если они об этом расскажут. — «Допрос рабов о поступках их господ противоречит требованиям справедливости». — Но ведь допрос этот не касается их господ; подсудимый — Секст Росций, и допрос о нем не является допросом рабов о поступках их господ; ибо их господами вы называете себя. — «Рабы находятся у Хрисогона». — Вот как! Хрисогон, конечно, очарован их образованностью и изысканностью и хочет, чтобы они вращались в кругу его любимчиков-отроков, обученных всевозможным искусствам и выбранных им из изящнейшей челяди во многих домах[84]. Но ведь это чуть ли не чернорабочие, прошедшие выучку в деревне, среди челяди америйского землевладельца! (121) На самом деле всё, конечно, не так, судьи! Мало вероятно, чтобы Хрисогон пленился их образованностью и воспитанием или оценил их старательность и добросовестность. Здесь какая-то тайна, и чем усерднее они скрывают и оберегают ее, тем более она всплывает на поверхность и обнаруживается.

(XLII, 122) Что из этого следует? Хрисогон ли, желая скрыть свое злодеяние, не хочет, чтобы эти рабы подверглись допросу? Вовсе нет, судьи! Всех, полагаю я, нельзя мерить одной меркой. Лично я не подозреваю Хрисогона ни в одном из подобных действий, и мне сегодня не впервые пришло на ум это сказать. Как вы помните, я с самого начала разделил все судебное дело на следующие части: на опровержение обвинения, поддерживать которое было полностью поручено Эруцию, и на доказательство злого умысла, что затрагивает Росциев. Всякое преступление, злодеяние и убийство, какие только окажутся налицо, мы должны будем приписать Росциям. Непомерное влияние и могущество Хрисогона, по нашему мнению, служат помехой для нас и совершенно нестерпимы, и вы, коль скоро вам дана власть, должны не только поколебать их, но и покарать за них. (123) Я рассуждаю так: кто хочет допроса заведомых свидетелей убийства, тот желает, чтобы была раскрыта истина; кто отказывает в этом допросе, тот, не решаясь сказать это, все же поведением своим, несомненно, сознается в совершенном им преступлении. Вначале я сказал, судьи, что не хочу говорить об их злодеянии больше, чем этого потребует судебное дело или заставит сама необходимость. Ведь можно привести много улик и каждую из них подтвердить множеством доказательств. Но на том, что я делаю неохотно и по необходимости, я не могу задерживаться и говорить об этом подробно. Того, чего никак нельзя было обойти молчанием, я коснулся слегка, судьи! Что основано на подозрениях и что потребовало бы более подробного обсуждения, если начать об этом говорить, то я предоставляю вашему уму и проницательности.

(XLIII, 124) Перехожу теперь к хорошо нам знакомому золотому имени «Хрисогон»[85]; этим именем было прикрыто все «товарищество». Не придумаю я, судьи, ни как мне говорить, ни как мне умолчать о нем. Ибо, умолчав о нем, я откажусь от наиболее важной части своих доводов; если же я буду о нем говорить, то, чего доброго, не один только Хрисогон, — что для меня безразлично — но и многие другие сочтут себя оскорбленными[86]. Впрочем, обстоятельства таковы, что мне нет особой надобности распространяться о поступках скупщиков конфискованного имущества вообще; ибо это судебное дело, конечно, не обычное и единственное в своем роде.

(125) Имущество Секста Росция купил Хрисогон. Рассмотрим сперва следующее: на каком основании продано имущество этого человека, вернее, как оно могло поступить в продажу? Спрашиваю об этом, судьи, не для того, чтобы сказать, что продажа имущества ни в чем не повинного человека возмутительна[87]; ибо, даже если об этом можно будет слушать и открыто говорить, то именно Секст Росций едва ли был столь значительным лицом среди наших граждан, чтобы мы должны были печалиться прежде всего о нем; но я спрашиваю вот о чем: как могло на основании того самого закона о проскрипциях — Валериева или Корнелиева (точно не знаю) — так вот, как могло на основании этого самого закона имущество Секста Росция поступить в продажу? (126) Ведь там, говорят, написано следующее: «*Должно быть продано имущество тех, чьи имена внесены в проскрипционные списки* (среди них Секста Росция нет), *или тех, кто был убит, принадлежа к лагерю противников*». Пока существовали какие-то лагери, Секст Росций принадлежал к лагерю Суллы; когда мы перестали сражаться, он среди полного мира, возвращаясь с обеда, был убит в Риме. Если он был убит по закону, то я готов признать, что имущество его тоже было продано с торгов законно; но если установлено, что он был убит в нарушение, уже не говорю — древних[88], но даже и новых законов, то по какому же праву, каким образом, в силу какого закона было продано его имущество? Вот о чем я спрашиваю.

(XLIV, 127) Ты хочешь знать, Эруций, кого я имею в виду. Не того, кого ты хотел бы и о ком ты думаешь; ибо Суллу оправдало на вечные времена и мое заявление, сделанное мной с самого начала, и его собственная исключительная доблесть. Я утверждаю, что все это совершил Хрисогон: он дал ложные сведения; выдумал, что Секст Росций был злонамеренным гражданином; заявил, что он был убит, находясь среди противников; не позволил посланцам америйцев рассказать обо всем Луцию Сулле. Наконец, я подозреваю также, что это имущество вообще не было продано с торгов; в дальнейшем, с вашего позволения, судьи, я докажу и это. (128) Ибо по закону крайним сроком для проскрипций и продажи имущества, бесспорно, были июньские календы; между тем Секст Росций был убит, имущество его, как говорят, поступило в продажу только через несколько месяцев после июньских календ. Во всяком случае, это имущество либо не было внесено в официальные книги, и этот мошенник издевается над нами более ловко, чем мы думаем, либо если оно и было внесено, то в книгах каким-то образом совершен подлог; так как именно это имущество, как установлено, законным образом поступить в продажу не могло. Я понимаю, судьи, что рассматриваю этот вопрос преждевременно и, можно сказать, уклоняюсь в сторону, раз я вместо того, чтобы спасать голову Секста Росция, лечу заусеницу[89]. Ведь он не о деньгах тревожится и не об интересах своих заботится; он думает, что легче перенесет свою бедность, если его освободят от этого возмутительного подозрения и вымышленного обвинения. (129) Но я прошу вас, судьи: слушая то немногое, что мне еще остается сказать, считайте, что говорю я отчасти от своего имени, отчасти в защиту Секста Росция. Что мне самому кажется возмутительным и нестерпимым и что, по моему мнению, касается всех нас, если мы не примем мер, — об этом я говорю от своего имени с душевной скорбью и болью; а о том, что имеет

отношение к жизни и к делу Секста Росция и что он хотел бы услыхать в свою защиту, об этом вы, судьи, вскоре услышите в заключительной части моей речи.

(XLV, 130) Я по своему почину, оставив в стороне дело Секста Росция, спрашиваю Хрисогона: во-первых, почему имущество честнейшего гражданина было продано с торгов? Затем, почему имущество человека, который не был внесен в проскрипционные списки и не пал, находясь среди противников, было продано с торгов, хотя закон был направлен только против вышеупомянутых лиц; затем, почему оно было продано много позже срока, установленного законом? Наконец, почему оно было продано за такую малую цену? Если Хрисогон, по примеру негодных и бесчестных вольноотпущенников, захочет свалить все это на своего патрона, то это не удастся ему; ибо всем известно, что, так как Луций Сулла был занят важнейшими делами, многие совершили много проступков — частью против его желания, частью без его ведома. (131) Итак, значит, можно согласиться с тем, что некоторые дела могли ускользнуть от его внимания? Согласиться нельзя, судьи, но это было неизбежно. И в самом деле, если Юпитер Всеблагой Величайший, одним мановением руки и волей своей управляющий небом, сушей и морями, не раз наносил вред людям, разрушал города, уничтожал посевы то ветрами необычайной силы, то страшными бурями, то чрезмерной жарой, то невыносимым холодом, причем все эти гибельные явления мы приписываем не божественному промыслу, а великим силам природы, и наоборот, если блага, какими мы пользуемся, — дневной свет, которым мы живем, воздух, которым мы дышим, — мы рассматриваем как дар и милость Юпитера, то можем ли мы удивляться, судьи, что Луций Сулла, один стоявший во главе государства, управлявший всем миром и укреплявший посредством законов величие империи[90], добытого им оружием, мог не заметить кое-чего? Удивительно ли, что ум человеческий не охватывает того, чего не может достигнуть и божественная мощь?

(132) Но если оставить в стороне то, что уже произошло, неужели из того, что происходит именно теперь, всякому не ясно, что единственным виновником и зачинщиком всего является Хрисогон? Ведь это он велел привлечь Секста Росция к суду, и ему в угоду Эруций, который сам об этом говорит, выступает в качестве обвинителя[91]. [Лакуна.]

(XLVI) …[Те,] у кого есть поместья в области саллентинцев или в Бруттии[92], откуда они с трудом могут получать известия трижды в год, думают, что именно они владеют удобно расположенными и благоустроенными [поместьями].

(133) Вот другой[93] спускается с Палация, где у него свой дом; есть у него для отдыха загородная приятная усадьба и, кроме того, несколько имений; все они великолепны и расположены недалеко от города. В доме у него множество сосудов коринфской и делосской работы и среди них знаменитая автепса[94], за которую он недавно заплатил так дорого, что прохожие, слыша цену, которую выкрикивал глашатай, думали, что продается имение. А как вы думаете — сколько у него, кроме того, чеканной серебряной утвари, ковров, картин, статуй, мрамора? Разумеется, столько, сколько возможно было нагромоздить в одном доме во время смуты и при ограблении многих блистательных семейств. Что касается его челяди, то стоит ли мне говорить, как она многочисленна и каким разнообразным искусствам обучена? (134) Не говорю об обычных ремеслах — о поварах, пекарях, носильщиках[95]. Рабов, которые могут повеселить душу и усладить слух, у него столько, что ежедневным пением, струнной и духовой музыкой и шумом ночных пирушек оглушена вся округа. Как вы думаете, судьи, каких ежедневных расходов, какой расточительности требует такой образ жизни? И какие это пирушки? Уж наверное,

приличные — в таком доме, если только следует его считать домом, а не школой разврата и рассадником всяческих гнусностей! (135) А сам он? Как он, причесанный и напомаженный, расхаживает по форуму в сопровождении целой свиты, одетой в тоги[96], вы видите, судьи! Вы видите, как пренебрежительно смотрит он на всех, лишь одного себя считая человеком; по его мнению, один он счастлив, один он силен. Если я стану рассказывать, что он делает и чего добивается, то какой-нибудь неискушенный человек, судьи, пожалуй, подумает, что я хочу повредить делу знати и ее победе. Но я вправе порицать все то, что мне не нравится на этой стороне; ибо мне нечего опасаться, что меня могут счесть враждебным делу знати.

(XLVII, 136) Всем, кто меня знает, известно, что после того как мое сильнейшее желание, чтобы было достигнуто согласие между сторонами, не исполнилось, я, по мере своих ничтожных и слабых сил, особенно ратовал за победу тех, кто и победил. Ибо кто не видел, что низы боролись за власть с людьми вышестоящими? В этой борьбе одни только дурные граждане могли не примкнуть к тем, чей успех мог обеспечить государству и блеск внутри страны, и уважение за ее пределами. Радуюсь и всем сердцем ликую, судьи, что это свершилось, что каждому возвращено его почетное положение, и понимаю, что все это произошло по воле богов, при живом участии римского народа, благодаря мудрости, империю, счастью и удаче Луция Суллы. (137) Что были наказаны люди, упорно сражавшиеся в рядах противников, я порицать не должен; что храбрые мужи, особенно отличившиеся во время тех событий, награждены, я хвалю. Думаю, что для того и сражались, чтобы это было достигнуто, и признаюсь, что я находился на этой стороне. Но если все это было предпринято, если за оружие взялись ради того, чтобы самые последние люди могли обогащаться за чужой счет и завладевать имуществом любого гражданина, и если нельзя, не говорю уже — препятствовать этому делом, но даже порицать это словом, то, право, война эта принесла римскому народу не возрождение и обновление, а унижение и угнетение. (138) Но в действительности это далеко не так; ничего, подобного нет, судьи! Если вы дадите отпор этим людям, то дело знати не только не пострадает, но даже прославится еще больше.

(XLVIII) И в самом деле, люди, желающие порицать нынешнее положение вещей, сетуют на столь значительную мощь Хрисогона; но люди, склонные хвалить нынешние порядки, говорят, что такой власти ему вовсе не дано. Теперь уже ни у кого нет оснований — по глупости ли или же по бесчестности — говорить: «Если бы только мне было разрешено! Я сказал бы…» — Пожалуйста, говори. — «Я сделал бы…» — Пожалуйста, делай; никто тебе этого не запрещает. — «Я подал бы голос за…»[97] — Подавай, но только честно, и все одобрят тебя. — «Я вынес бы приговор…» — Все будут хвалить его, если ты будешь судить справедливо и по закону.

(139) Пока было необходимо и этого требовали сами обстоятельства, всей полнотой власти обладал один человек; после того как он произвел выборы должностных лиц и провел законы[98], каждому возвратили его полномочия и авторитет. Если те, кому они возвращены, хотят их сохранить, они смогут получить их навсегда. Но если они будут совершать и одобрять эти убийства и грабежи и эту безмерную и ни с чем не сообразную расточительность, то я, далекий от желания сказать что-либо более резкое, — уже по одному тому, что это было бы дурным предзнаменованием, — скажу только одно: если наша хваленая знать не будет бдительна, честна, храбра и милосердна, ей неминуемо придется уступить свое высокое положение людям, которые будут обладать этими качествами. (140) Поэтому пусть, наконец, перестанут говорить, что человек, высказавшийся искренно и независимо, говорил злонамеренно; пусть перестанут считать дело Хрисогона своим делом; пусть перестанут думать: если он подвергся нападкам, то

задеты и они; пусть подумают, не позорно и не унизительно ли, что люди, которые не смогли примириться с блеском всаднического сословия[99], могут переносить господство презренного раба. Это господство, судьи, ранее проявляло себя в другом; какую дорогу оно прокладывает себе ныне и куда пролагает себе путь, вы видите: оно направлено против вашей честности, вашей присяги, ваших судов — против всего того, что, пожалуй, только и остается в государстве чистым и священным. (141) Неужели и здесь Хрисогон рассчитывает обладать какой-то властью? И здесь хочет он быть могущественным? О, какое несчастье, какое бедствие! И я, клянусь Геркулесом, негодую не потому, что я боюсь или что он действительно может что-то значить; но потому, что он осмелился, потому, что он надеялся как-то повлиять на таких мужей, как вы, и погубить ни в чем не виновного человека, — вот на что я сетую.

(XLIX) Для того ли знать, от которой многого ожидали, огнем и мечом вернула себе власть в государстве, чтобы вольноотпущенники и жалкие рабы могли, по своему произволу, расхищать имущество знатных людей и наше достояние, посягать на нашу жизнь? (142) Если дело дошло до этого, то я, предпочитавший такой исход, признаюсь, что я заблуждался, признаюсь, что был безумен, сочувствуя знати, хотя я, не беря в руки оружия, сочувствовал ей, судьи! Но если, напротив, победа знати пойдет на славу государству и римскому народу, то моя речь должна быть весьма по-сердцу каждому благородному и знатному человеку. Если же кто-либо думает, что ему самому и его единомышленникам наносят оскорбление, порицая Хрисогона, то он дела своей стороны не принимает во внимание, а заботится только о себе; ибо дело знати станет более славным, если будет дан отпор всем негодяям, а тот бесчестнейший пособник Хрисогона, который разделяет его образ мыслей, несет ущерб, отходя от участия в этом славном деле.

(143) Но все это, как я уже заметил выше, я говорю от своего имени; сказать это меня побудили благо государства, скорбь, испытываемая мной, и беззакония этих людей. Секст Росций ничем этим не возмущается, никого не обвиняет, не сетует на утрату отцовского имущества. Неопытный в жизни человек, земледелец и деревенский житель, он считает все то, что, по вашим словам, сделано по распоряжению Суллы, совершенным по обычаю, по закону, по праву народов[100]. Оправданным и свободным от неслыханного обвинения — вот каким хочет он уйти отсюда. (144) Если с него будет снято это не заслуженное им подозрение, то он, по его словам, спокойно перенесет утрату всего своего состояния; он просит и умоляет тебя, Хрисогон, — если он ничем не воспользовался из огромного имущества своего отца, если он ничего не утаил от тебя, если он вполне добросовестно отдал тебе все свое достояние, все пересчитал, все взвесил, если он передал тебе одежду, которой было прикрыто его тело, и перстень, который он носил на пальце[101], если из всего своего достояния он не оставил себе ничего, кроме своего нагого тела, — позволь ему, невиновному, влачить жизнь в бедности, пользуясь помощью друзей.

(L, 145) Имениями моими ты владеешь, а я живу чужим милосердием. Я на это согласен, так как отношусь к этому спокойно и это неизбежно. Дом мой для тебя открыт, для меня заперт; мирюсь с этим. Многочисленной челядью моей пользуешься ты, а у меня нет ни одного раба; терплю это и считаю нужным переносить. Чего тебе еще? Почему ты меня преследуешь, почему нападаешь на меня? В чем я, по-твоему, тебе не угодил? Чем я тебе мешаю? В чем стою тебе поперек дороги? Если ты хочешь убить меня ради добычи, то ты уже добыл ее. Чего еще тебе нужно? Если ты хочешь убить меня из-за вражды, то какая вражда возможна между тобой и человеком, чьими имениями ты завладел еще до того, как узнал о нем самом? Если из-за боязни, то неужели ты боишься человека, который, как ты видишь, сам не умеет отвратить от себя столь страшную несправедливость? Но если ты именно потому, что имущество, принадлежавшее Сексту

Росцию, стало твоим, и стараешься погубить его сына, присутствующего здесь, то не доказываешь ли ты этим, что опасаешься как раз того, чего ты должен был бы бояться менее, чем кто-либо другой, — что рано или поздно имущество проскриптов-отцов будет возвращено их сыновьям?

(146) Ты ошибаешься, Хрисогон, если, в надежде удержать у себя купленное тобой имущество, рассчитываешь на гибель моего подзащитного больше, чем на все то, что сделано Луцием Суллой. Но если у тебя нет личных оснований желать такого тяжкого несчастья этому жалкому человеку; если он отдал тебе все, кроме жизни, и ничего из отцовского достояния не утаил для себя хотя бы на память, то — во имя бессмертных богов! — что это за неслыханная жестокость с твоей стороны, что у тебя за зверская, свирепая натура! Какой разбойник был когда-либо столь бесчеловечен, какой пират — столь дик, чтобы он, имея возможность получить добычу, всю целиком, без пролития крови, предпочел совлечь с противника его доспехи окровавленными? (147) Ты знаешь, что у Секста Росция ничего нет, что он ни на что не решается, ничего не может сделать, никогда не думал вредить тебе в чем бы то ни было, и все-таки нападаешь на человека, которого ты и бояться не можешь и ненавидеть тебе не за что, у которого, как видишь, уже нет ничего такого, что ты мог бы еще отнять. Разве только тебя возмущает, что человека, которого ты выгнал из отцовского поместья нагим, словно после кораблекрушения, в суде ты видишь одетым. Как будто тебе не известно, что его кормит и одевает Цецилия, дочь Балеарского, сестра Непота, женщина выдающаяся, которая, имея прославленного отца, достойнейших дядьев и знаменитого брата, все же, хотя она и женщина, своим мужеством достигла того, что в воздаяние за великий почет, каким она пользуется в связи с их высоким положением, она, со своей стороны, украсила их не меньшей славой благодаря своим заслугам.

(LI, 148) Или ты, быть может, негодуешь на то, что Секста Росция горячо защищают? Поверь мне, если бы, ввиду отношений гостеприимства и дружбы, связывавших людей с его отцом, все гостеприимцы захотели явиться сюда и осмелились его открыто защищать, то у него не было бы недостатка в защитниках, а если бы все они могли покарать вас в меру вашего беззакония, — ибо опасность, угрожающая Сексту Росцию, затрагивает высшие интересы государства — то, клянусь Геркулесом, вам нельзя было бы и показаться на этом месте. Но теперь его защищают так, что его противники, конечно, не должны роптать и не могут думать, что вынуждены уступить могуществу. (149) О его личных делах заботится Цецилия; его дела на форуме и в суде, как вы видите, судьи, взял на себя Марк Мессалла[102], который и сам выступил бы в защиту Секста Росция, будь он старше и решительнее. Но так как произнести речь ему мешают его молодость и застенчивость, являющаяся украшением этого возраста, то он передал дело мне, зная, что я хочу и обязан оказать ему эту услугу, а сам своей настойчивостью, умом, влиянием и хлопотами добился, чтобы жизнь Секста Росция, вырванная из рук этих грабителей, была доверена суду. В защиту такой именно знати, судьи, подавляющее большинство граждан, несомненно, и сражалось; их целью было восстановить в их гражданских правах тех знатных людей, которые готовы сделать то, что, как видите, делает Мессалла, которые готовы защищать жизнь невиновного, дать отпор беззаконию, которые предпочитают, по мере своих сил, проявлять свое могущество, не губя другого человека, а спасая его. Если бы так поступали все люди такого происхождения, то государство менее страдало бы от них, а сами они меньше страдали бы от ненависти.

(LII, 150) Но если мы не можем добиться от Хрисогона, чтобы он удовлетворился нашими деньгами, судьи, и пощадил нашу жизнь; если нет возможности убедить его, чтобы он, отняв у нас все принадлежащее нам, отказался от желания лишить нас этого вот

света солнца, доступного всем; если для него недостаточно насытить свою алчность деньгами и ему надо еще и жестокость свою напоить кровью, то для Секста Росция остается одно прибежище, судьи, одна надежда — та же, что и для государства — на вашу неизменную доброту и сострадание. Если эти качества еще сохранились в ваших сердцах, то мы даже теперь можем считать себя в безопасности; но если та жестокость, которая ныне в обычае в нашем государстве, сделала и ваши сердца более суровыми и черствыми, — что, конечно, не возможно, — тогда все кончено, судьи! Лучше доживать свой век среди диких зверей, чем находиться среди таких чудовищ.

(151) Для того ли вы уцелели, для того ли вы избраны, чтобы выносить смертные приговоры тем, кого грабители и убийцы не смогли уничтожить? Опытные полководцы, вступая в сражение, обычно стараются расставить своих солдат там, куда, по их мнению, побегут враги, чтобы эти солдаты неожиданно напали на бегущих. Бесспорно, так же думают и эти скупщики имущества: будто вы, столь достойные мужи, сидите здесь именно для того, чтобы перехватывать тех, кто уйдет из их рук. Да не допустят боги, чтобы учреждение, по воле наших предков названное государственным советом[103], стало считаться оплотом грабителей! (152) Или вы, судьи, действительно не понимаете, что единственной целью этих действий является уничтожение любым способом сыновей проскриптов и что начало этому хотят положить вашим приговором по делу Секста Росция, грозящим ему смертью? Можно ли сомневаться и не знать, чьих рук дело преступление это, когда на одной стороне вы видите скупщика конфискованного имущества, недруга, убийцу, являющегося в то же время и обвинителем, а на другой — обездоленного человека, сына, дорогого его родичам, на котором нет, уже не говорю — никакой вины, на которого даже подозрение не может пасть? Разве вы не видите, что Секст Росций виноват лишь в том, что имущество его отца поступило в продажу с торгов?

(LIII, 153) Если вы возьмете на себя ответственность за такое дело и приложите к нему свою руку, если вы сидите здесь для того, чтобы к вам приводили сыновей тех людей, чье имущество поступило в продажу с торгов, то — во имя бессмертных богов, судьи! — берегитесь, как бы не показалось, что вы начали новую и гораздо более жестокую проскрипцию! За прежнюю, начатую против тех, кто был способен носить оружие, сенат всё же отказался взять на себя ответственность, дабы не показалось, что более суровая мера, чем это установлено обычаем предков, принята с согласия государственного совета; что же касается этой проскрипции, направленной против их сыновей и даже против младенцев, еще лежащих в колыбели, то если вы своим приговором не отвергнете ее с презрением, то вы увидите — клянусь бессмертными богами! — до чего дойдет наше государство!

(154) Мудрым людям, наделенным авторитетом и властью, какими обладаете вы, следует те недуги, от которых государство больше всего страдает, тщательнее всего и врачевать. Среди вас нет никого, кто бы не понимал, что римский народ, некогда считавшийся самым милостивым даже к своим врагам, ныне страдает от жестокости к своим собственным гражданам. Вот ее и гоните прочь от нас, судьи! Не давайте ей дальше распространяться в нашем государстве. Она опасна не только тем, что самым ужасным образом истребила стольких граждан, но и тем, что привычка к постоянным картинам несчастий сделала самых добрых людей глухими к голосу сострадания. Ибо, когда мы ежечасно видим одни только ужасы или слышим о них, то — даже если мы от природы очень мягки — все же наши сердца, вследствие непрекращающихся потрясений, теряют всякое чувство человеколюбия.

ПРИМЕЧАНИЯ

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ СЕКСТА РОСЦИЯ ИЗ АМЕРИЙ

1. Имеются в виду так называемые «заступники» (advocati) — уважаемые граждане, присутствовавшие на суде. Они, не выступая с речами, оказывали подсудимому (или одной из сторон) моральную поддержку. Заступники сидели на одних скамьях с лицом, которое они поддерживали.

2. Речь произнесена во время диктатуры Суллы.

3. Как люди, связанные узами гостеприимства. Отношения гостеприимства существовали как между отдельными лицами, так и между родами; в последнем случае они передавались от поколения к поколению.

4. Первой магистратурой Цицерона была квестура в Лилибее (Сицилия) с 5 декабря 76 г. при преторе Сексте Педуцее.

5. Намек на сулланские проскрипции. См. прим. 28.

6. Конфискованное имущество было куплено у казны. Сулла здесь назван как представитель государства. Ср. речи 7, § 56; 15, § 25.

7. Обычное выражение при упоминании имени уважаемого лица.

8. Раб, отпускаемый на свободу, получал личное и родовое имя своего бывшего владельца, а прежнее имя его превращалось в прозвание. Чужестранцы и вольноотпущенники, получавшие права римского гражданства, благодаря покровительству римских граждан, также принимали их личное и родовое имя. Сулла предоставил права римского гражданства нескольким тысячам вольноотпущенников, которые все получили родовое имя Корнелиев.

9. Оратор как бы объединяет себя со своим подзащитным; частый прием у Цицерона.

10. Первым шагом лица, привлекавшего кого-либо к суду, было устное заявление претору с просьбой о принятии жалобы (*postulatio*); затем следовало вручение жалобы — *nominis delatio*; принятие жалобы претором называлось *nominis receptio*; претор вносил обвиняемого в списки подсудимых, и последний становился *reus*.

11. Слово «*гладиатор*» было бранным: головорез, убийца.,

12. *Совет судей*. Сулла ввел в сенат, поредевший после гражданской войны, около 300 новых членов, руководствуясь политическими соображениями. Число сенаторов дошло до 600. Из их числа городской претор составлял список судей (*album iudicum*); на основании этого списка составлялся совет постоянного суда (*quaestio perpetua*); при Сулле судьями были только сенаторы.

13. *Spolia (spolia opima*) — первоначально доспехи, снятые победителем с убитого врага после боя или поединка; Цицерон часто пользуется этим выражением метафорически.

14. Цицерон часто упоминает о своей застенчивости. Ср. речь 6, § 51; «Об ораторе», I, § 121.

15. В 80 г. Марк Фанний был претором. Помимо преторов, в постоянном суде могло председательствовать лицо, назначавшееся городским претором, обычно из числа бывших эдилов — *quaesitor*, *iudex guaestionis*. Это делалось в случае, когда для председательствования в суде преторов не хватало.

16. Очевидно, во время гражданских войн суды не действовали. Суд над Росцием производился на основании закона об убийцах и отравителях, проведенного Суллой в 81 г. (*lex Cornelia de sicariis et veneficis*).

17. Суд происходил на форуме под открытым небом. Претор сидел на возвышения (*трибунал*), вокруг которого были скамьи для судей, обвинителей, защитников, заступников и обвиняемого. *Римский форум*, главная площадь Рима, была политическим, судебным, религиозным и торговым центром. Форум существовал во всех значительных римских городах.

18. См. ниже, § 84, 86.

19. *Америн* — город в Умбрии, в 50 римских милях от Рима. Муниципием называлась городская община в Италии; ее население на основании особого положения пользовалось некоторыми правами и несло повинности, главным образом предоставляя Риму солдат. Права голосовать в комициях муниципалы вначале не имели (*civitas sine suffragio*). Полные права римского гражданства муниципии получили после Союзнической войны 91—81 гг. Во главе муниципия стоял сенат (курия) (100 человек); члены его назывались декурионами; сенат возглавляло 10 старейшин.

20. Имеются в виду Гражданские войны 88—82 гг.

21. *Тит Росций Магн* был свидетелем обвинения и мог выступить только после речей обвинителя и защитника. О Тите Росции Капитоне см. ниже, § 25.

22. *Пальмовой веткой* награждали победителя-гладиатора. Гладиаторы — бойцы, сражавшиеся попарно друг с другом первоначально на похоронах знатных людей, а впоследствии во время общественных игр. Вначале игры происходили на форуме, а с I в. в амфитеатрах. Гладиаторами становились военнопленные, а также и осужденные на казнь. Владелец «школы» гладиаторов назывался ланистой. Гладиаторы различались по вооружению.

23. *Паллацинские бани* находились вблизи Фламиниева цирка.

24. В I в. письмоносцы (*tabellarii*), т. е. нарочные, развозившие письма и донесения магистратов, делали 40—50 миль в сутки. Римская миля — около 1,5 км.

25. Город *Волатерры* в Этрурии, последний оплот марианцев, в то время был осажден Суллой. Ср. Цицерон, письма Att., I, 19, 4 (XXV); Fam., XIII. 4, 1 sq. (DCLXXIV).

26. *Splendidus* — обычный эпитет римского всадника.

27. Товарищества (*societates*) — компании, образованные чаще всего богатыми римскими всадниками и вольноотпущенниками, занимались торговлей и откупами налогов и податей в провинциях. Здесь ирония.

28. Речь идет о проскрипционных списках. Термин «проскрипция» означает опись имущества, объявление о продаже. После диктатуры Суллы он получил значение расправы без суда. В 82 г., после своей победы над марианцами, Сулла выпустил эдикт с приказом убивать всякого, кто выступил против него после соглашения о мире, заключенного им с консулом 83 г. Луцием Корнелием Сципионом. В дальнейшем на

основании закона, проведенного интеррексом Луцием Валерием Флакком, была установлена диктатура Суллы; после этого был издан закон о проскрипции, который предусматривал смертную казнь для врагов, внесенных в списки (убить такого человека мог первый встречный); конфискацию имущества как их, так и врагов, павших в бою против Суллы; смертную казнь для тех, кто помогал проскриптам; награду за убийство проскрипта; запрещение сыновьям и внукам проскриптов занимать магистратуры. Как последний срок для убийств и конфискации имущества было установлено 1 июня 81 г. Цицерон, очевидно, имеет в виду списки, составленные на основании закона о проскрипции. В 63 г. Цицерон произнес речь о сыновьях проскриптов (до нас не дошла). См. речь 7 § 10; письма Att., II, 1, 3 (XXVII); IX, 10, 6 (CCCLXIV); 11, 3 (CCCLXVI); Плутарх, Сулла 31, 1 сл.

29. Имеется в виду эпитет «Счастливый» (*Felix*), который Сулла после своей окончательной победы присоединил к своему имени. Это было выражением эллинистического учения о харизме, т. е. благоволении богов. Сулла полагал, что ему покровительствует Венера (*Venus Felix*, Афродита); поэтому он именовал себя по-гречески Эпафродитом. Ср. речь 5, § 47; Плутарх, Сулла, § 34.

30. Церемонии, связанные с похоронами, заканчивались жертвоприношением и поминками на девятый день после погребения (*caena novemdialis*, *novemdialia*).

31. *Пенаты* — боги-покровители благосостояния дома (*penus* — кладовая для хранения припасов). В широком смысле — все божества, особенно почитаемые в данном доме.

32. Римляне, которые иногда хоронили своих близких людей в усадьбах, при продаже владения выговаривали себе право доступа к могиле. Это было одним из видов сервитута (*servitus itineris*, *iter ad sepulcrum*). Сервитутом называлось право пользования чужой собственностью, создававшее выгоды для определенного лица и налагавшее обязательства на собственника. См. письма Att., XII, 9, 1 (DLVII); Q. fr., III, 1, 3 (CXLV); «Об ораторе», 1, § 173.

33. Дочь Квинта Цецилия Метелла Балеарского, консула 123 г. Ее брат — Квинт Метелл Непот, консул 98 г. Ее родственница Метелла, дочь Метелла Далматинского, была женой Суллы с 88 г. Согласно традиции, она умилостивила богиню Ювону Соспиту после осквернения ее храма во время Союзнической войны.

34. Под *parricidium* разумели убийство отца, кровного родственника, римского гражданина. Определения насчет *parricidium* составляли особый раздел изданного при Сулле закона об убийцах и отравителях. В древнейшую эпоху существовал особый суд (*quaestores parricidii*), ведавший делами об убийстве римского гражданина.

35. Имеется в виду присутствующий в суде Тит Росций Магн.

36. По старинному обычаю, после вынесения обвинительного приговора отцеубийце надевали на голову волчью шкуру, на ноги деревянные башмаки и отводили его в тюрьму, где он ждал, пока будет изготовлен кожаный мешок, в который его, после наказания розгами, зашивали вместе с петухом, собакой, обезьяной и змеей и топили в реке или в море. Это так называемая *poena cullei*. Насчет значения, какое придавалось присутствию этих животных в мешке, мнения расходятся.

37. *Гай Флавий Фимбрия*, сторонник Мария, был в 86 г. легатом консула Луция Валерия Флакка, посланного марианцами для военных действий против Митридата VI. Фимбрия возмутил войско против Флакка, который был убит. В 84 г. войско Фимбрия перешло на сторону Суллы, Фимбрия бежал в Пергам, где покончил с собой.

38. *Квинт Муций Сцевола*, известный юрист и оратор, один из учителей Цицерона, был наместником в провинции Азии в 99 г., верховным понтификом, консулом в 95 г. Это событие произошло в январе 86 г. В 82 г. Сцевола был убит марианцами.

39. Речь идет о *суде народа*, т. е. центуриатских комиций, которые могли приговорить к смертной казни, или о суде трибутских комиций, налагавших денежный штраф. После учреждения постоянных судов (quaestiones perpetuae, в 149 г.) суд народа назначался только по поводу преступления, для которого не было соответствующего постоянного суда, особенно при обвинении в государственной измене (perduellio). См. речь 8. Обвинитель должен был, по предъявлении им обвинения (accusatio), к определенному сроку вызвать обвиненного им римского гражданина в комиций (diem dicere), затем дважды назначить ему срок явки на народную сходку и обвинять его перед ней и только в четвертый раз обвинять его перед комициями, которые и выносили приговор.

40. В подлиннике «*recipere telum*». Поверженному гладиатору зрители иногда кричали: recipe ferrum (или telum) — прими последний удар. Ср. речь 18, § 80.

41. Сын не мог без разрешения отца ни приобретать имущество, ни владеть им. Под «*властью отца*» (patria potestas) разумеют существовавшую в древнейшую эпоху, а в историческую эпоху сохранившуюся лишь формально власть главы рода и семьи над женой, детьми, женами сыновей, внуками, рабами и всем имуществом. Она выражалась также в праве жизни и смерти и в праве продажи в рабство («за Тибр»). После трехкратной продажи в рабство «власть отца» прекращалась, как и после утраты им гражданских прав.

42. Намек на темное происхождение Эруция.

43. *Цецилий Стаций* (умер в 166 г.) — римский поэт; переделывал греческие комедии для римской сцены. Цицерон называет имена действующих лиц из комедии Цецилия «Подкидыш» (от нее сохранились фрагменты). Римляне были знакомы с греческими комедиями и трагедиями в значительной степени по подражаниям и переделкам поэтов Энния, Пакувия, Акция и Стация.

44. Цицерон делает вид, что поверхностно знаком с литературой. Интерес к греческой культуре не подобал римлянину старого закала. Ср. речь 3, § 4, письмо Fam., XV, 6, 1 (CCLXXVII).

45. *Вейи* — город в Этрурии.

46. *Гай Атилий Регул*, консул 257 и 250 гг. Его прозвание «Сарран» (от города Саррана), позднее было переосмыслено как Серран (сеятель). См. Плиний, «Естественная история», XVIII, 20.

47. Ср. рассказы о Луции Квинкции Цинциннате. См. Марк Порций Катон, «Земледелие», предисловие, § 2.

48. *Реммиев закон* имел в виду злостное, заведомо ложное обвинение с корыстной целью (calumnia). Осуждение влекло за собой утрату гражданской чести, в частности, права быть обвинителем и свидетелем в суде. Древнее наказание — клеймение лба буквой “K” (kalumniator).

49. В Риме уголовные дела в судах должны были возбуждать должностные или частные лица. Обвинитель уполномочивался производить следствия с правом доступа в архивы, изъятия документов (также и у частных лиц), снятия копий с них.

50. В *Капитолии* держали гусей и собак. Предание рассказывает о спасении Капитолия от захвата галлами в 390 г. Находившиеся в нем гуси проявили беспокойство, а собаки знака не подали. Поэтому, по обычаю, каждый год распинали нескольких собак. См. Плиний, «Ест. ист. », X, 22, 51.

51. В *календы* (первое число месяца) платили проценты по долгам. Слово Kalendae начиналось с той же буквы «К», которой в древнейшую эпоху клеймили лоб за ложное обвинение; см. выше, прим. 48.

52. Ср. Цицерон, «О границах добра и зла», III, § 62.

53. *Целий* — неизвестное нам лицо. *Таррацина* — город в Лаций.

54. Имеются в виду Орест и Алкмеон. По преданию, Орест убил по повелению Аполлона свою мать Клитемнестру, мстя ей за убийство своего отца Агамемнона. Алкмеон убил мать Эрифилу, уговорившую своего мужа Амфиарая принять участие в походе против Фив, где ему было суждено погибнуть. Мифы о терзаниях Ореста и Алкмеона обработали Эсхил и Эврипид. См. Вергилий, «Энеида», III, 331. *Фурии (Кары*) — богини возмездия; соответствуют эриниям греческой мифологии.

55. Афинский законодатель VI в.

56. По представлениям древних, текучая и морская вода очищала убийцу от совершенного им преступления. См. Эврипид, «Ифигения в Тавриде», 1191.

57. Ср. Цицерон, «Оратор», 107.

58. *Перекрестный допрос* (altercatio) происходил после речей обвинителя и защитника, но Цицерон, уверенный в невиновности Росция, готов отступить от этого правила. См. ниже, § 94.

59. *Допрос рабов*, как и допрос всяких свидетелей, происходил после речей обвинителя и защитника. Допрос рабов для получения показаний против их господина допускался только при суде о кощунстве и о государственном преступлении. Показания рабов считались действительными только в том случае, если были получены под пыткой. См. ниже, § 77 сл., 120. Ср. речи 6, § 176 сл.; 19, § 68; 22, § 59; «Подразделения речей», § 118.

60. О *заступниках* см. прим. 1. Заступниками Росция, возможно, были Публий Корнелий Сципион Насика, претор 94 г., и Марк Цецилий Метелл, претор 69 г. В данном случае допрос рабов должен был происходить частным образом. Ср. речь 6, § 176.

61. Поговорка. Ср. письмо Fam., VII, 29, 2 (DCLXXIX).

62. В подлиннике игра слов, основанная на двояком значении слова *sector*: 1) *sector collorum* — рассекающий шею; 2) *sector bonorum* — покупающий на аукционе конфискованные имения, разделенные на части, или же покупающий имения для перепродажи по частям.

63. *Peculatus* — кража государственного имущества; таковым стало конфискованное имущество Росция-отца. Его сына, по-видимому, обвиняли в утайке этого имущества. Ср. ниже, § 144.

64. *Declamare* — произносить речь на тему, заданную ритором.

65. Обвинение в уголовном деянии (causa publica), закончившееся обвинительным приговором (особенно видному лицу) считалось заслугой и облегчало политическую карьеру. См. Цицерон, «Об обязанностях», II, § 49 сл.

66. *Луций Кассий Лонгин Равилла*, народный трибун 137 г., консул 127 г., автор закона о тайном голосовании в уголовных судах (lex Cassia tabellaria). Его выражение «*cui bono?*» («кому выгодно?») стало крылатым, как и выражение «Кассиевы (т. е. строгие) судьи». См. ниже, § 85; ср. речи 22, § 32; 25, § 35; «Брут», § 97.

67. Во время проскрипций 81 г. (прим. 28) головы профессиональных обвинителей были выставлены на форуме, на ораторской трибуне и около Сервилиева пруда, находившегося вблизи форума. В битвах у Трасименского озера (217 г.) и под Каннами (216 г.) Ганнибал нанес римлянам тяжелые поражения. Выражение «битва под Каннами» стало поговоркой: побоище. Ср. речь 4, § 28.

68. Кв. Энний, “Hectoris lytra”, фрагм. 167 Уормингтон. Перевод Ф. Ф. Зелинского.

69. Очевидно, профессиональные обвинители. Люди старше 60 лет освобождались от участия в войне и не могли выступать в суде и голосовать в комициях. Антистий, видимо, утратил гражданскую честь, раз ему «законы запрещали сражаться».

70. *Император* — в эпоху республики высшее почетное военное звание. После решительной победы, дававшей право на триумф (см. прим. 45 к речи 4), солдаты приветствовали своего полководца как императора. В I в. звание императора присваивал также и сенат.

71. Намек на Хрисогона. См. выше, § 20.

72. *Dius Fidius* — бог клятвы и верности, покровитель гостеприимства; этот культ отделился от культа Юпитера; был отождествлен с умбро-сабинским культом Семона Санка, покровителя верности. См. Овидий, «Фасты», VI, 213 сл.

73. Римляне говорили о детях во множественном числе даже при наличии одного сына или дочери.

74. *Автомедонт* — возница Ахилла, известный своей быстрой ездой. См. Гомер. «Илиада», XVI, 145; XVII, 459.

75. Награда, украшенная лентой, считалась более почетной.

76. Возможно, намек на старинный обычай лишать римских граждан, достигших 60 лет, избирательных прав (см. прим. 69). Их не допускали к мосткам, по которым граждане проходили для голосования подачей таблички. Так возникла поговорка: «Шестидесятилетних с моста!». Есть указания и на то, что в древности стариков сбрасывали с моста в Тибр.

76а. Тит Росций Магн.

77. Тит Росций Капитон.

78. Публий Корнелий Сципион Эмилиан.

79. *Патронат и клиентела* — в древнейшую эпоху отношения между патрицием и зависевшими от него людьми, возможно, из покоренного населения. Патрон покровительствовал клиенту, защищал его в суде. Клиенты помогали патрону оружием

и деньгами, поддерживали его при соискании магистратур. Впоследствии патронат и клиентела охватывали все отношения между влиятельным лицом и его вольноотпущенниками. Эти отношения существовали также и между влиятельным лицом и городской общиной, между бывшим наместником провинции и ее населением. Они были преемственными.

80. Выступление в качестве свидетеля было обязательно только в уголовном суде. Правом вызова свидетелей обладал обвинитель, но не обвиняемый.

81. Речь идет о договоре поручения (mandatum): одно лицо (доверитель — mandans, mandator) поручает, а другое (доверенный, — mandatarius, procurator) принимает на себя безвозмездное выполнение каких-либо действий. Лицо, осужденное за нарушение доверия, теряло гражданскую честь (infamia, atimia).

82. Иск за невыполнение поручения был иском за нарушение доверия. Судья (арбитр) выносил решение не по формуле, а по совести (bona fide). Суд назывался *arbitrium* или *bonae fidei iudicium*.

83. См. прим. 22. Здесь речь идет о Тите Росции Капитоне; «*ученик*» — Тит Росций Магн.

84. Рабы-греки, которых Хрисогон забирал для себя у проскриптов.

85. «*Хрисогон*» означает златорожденный.

86. Намек на более значительных людей из окружения Суллы.

87. Имеется в виду конфискация имущества проскриптов.

88. «*Древние законы*» — вероятно законы Двенадцати таблиц, согласно традиции, первое писаное уложение Рима (середина V в.) Ср. речь 22, § 9.

89. Поговорка. В подлиннике игра слов, основанная на двояком значении слова *caput*: 1) голова, 2) сумма гражданских прав.

90. В эпоху республики понятие «*империй*» охватывало всю полноту власти консулов и преторов, ограниченной коллегиальностью, годичным сроком, интерцессией народных трибунов и правом провокации (апелляции) к народу, присущим римским гражданам. Империй слагался из права ауспиций, набора солдат и командования войском, созыва куриатских комиций, юрисдикции, принуждения и наказания. Различался imperium domi, т. е. судебная власть в пределах померия (сакральная городская черта Рима), и imperium militiae, т. е. вся полнота власти вне померия, в Италии и в провинциях. Магистрату, уже облеченному гражданской властью (potestas), империй предоставлялся путем издания куриатского закона (lex curiata de imperio). В I в. куриатские комиции уже утратили значение, при издании такого закона символически голосовали 30 ликторов в присутствии трех авгуров. Под imperium maius (imperium infinitum) разумели верховное командование с чрезвычайными полномочиями.

91. Далее в тексте лакуна. Схолиаст приводит следующую фразу из утраченного текста: Хрисогон говорил: «Не потому растратил я имущество, что боялся, как бы его у меня не отняли, но так как строился под Вейями; поэтому я и перенес туда, что мне было нужно».

92. *Бруттий* — область в Калабрии (южная Италия).

93. Имеется в виду Хрисогон. В Риме, на Палатинском холме был его богато убранный дом.

94. Изделия из коринфской и из делосской бронзы (сплав меди с серебром и золотом) особенно ценились. Ср. речь 3, § 1. *Автепса* (буквально «самовар») — металлический сосуд с двойным дном или с особым вместилищем для углей; служил для нагревания воды или вина.

95. Собственно, *лектикарии* — рабы, носившие лектику, парадные носилки. См. письмо Q. fr., II, 8, 2 (CXI); Катулл, 10, 16.

96. Т. е. римских граждан, клиентов в вольноотпущенника. *Тога* — шерстяная верхняя одежда римских граждан, мужчин и детей. Это кусок ткани овальной формы, который по определенным правилам обертывали вокруг тела. Курульные (старшие) магистраты носили тогу с пурпурной каймой (toga praetexta). Претексту носили и мальчики; на 16-м году жизни, в день Либералий (17 марта), мальчик сменял перед алтарем ларов детскую тогу на белую (toga virilis, t. pura, t. libera), после чего его имя вносили в списки членов трибы. Набеленную мелом тогу (t. candida) носили лица, добивавшиеся магистратур («кандидаты»). Выражение «носящий тогу» (togatus) означало: 1) римский гражданин, 2) магистрат, не применяющий империя.

97. Как сенатор внес бы предложение и обосновал бы его.

98. Сулла, которому в 82 г., по предложению интеррекса Луция Валерия Флакка, была предоставлена диктатура, провел выборы консулов на 81 г. Он предложил и провел ряд законов: о судоустройстве, о вымогательстве, о магистратурах и др.

99. До диктатуры Суллы судебная власть принадлежала сословию римских всадников (по закону Гая Гракха, 123 г.). Во время гражданской войны многие римские всадники поддерживали марианцев, что навлекло на них месть Суллы.

100. *Ius gentium* — система права, применимого ко всем народам; она сложилась на почве юрисдикции претора, разбиравшего тяжбы между римскими гражданами и чужеземцами (praetor peregrinus, магистратура учреждена в 242 г.). Как и частное право (ius civile), ius gentium касалось частных отношений.

101. Перстень с именной печатью носил римский гражданин. Золотой перстень был знаком принадлежности к одному из высших сословий. Ср. речь 3, § 57 сл.; письмо Fam., X, 32, 2 (DCCCXCV).

102. *Марк Валерий Мессалла Нигр* был консулом в 61 г. См. Цицерон, «Брут», § 246.

103. *Consilium publicum* — обычно так говорили о римском сенате; здесь, возможно, говорится о совете судей, составленном из сенаторов в соответствии с Корнелиевым законом о судоустройстве.